

ИЗРАИЛЬСКО- ПАЛЕСТИНСКИЙ КОНФЛИКТ

Непримиримые версии истории

НИЛ КАПЛАН

Нил Каплан

**Израильско-палестинский
конфликт: Непримириемые
версии истории**

«Альпина Диджитал»

2020

УДК 94(569.4)+94(569.4=927)
ББК 63.3(5Изр)+63.3(5Пал)

Каплан Н.

Израильско-палестинский конфликт: Непримиримые версии истории / Н. Каплан — «Альпина Диджитал», 2020

ISBN 978-5-00-223684-8

Почти любое историческое событие порождает оспариваемые версии истории, но в случае длящегося уже более 140 лет конфликта на территории исторической Палестины противоречия между этими версиями оказались особенно фундаментальными, а степень убежденности обеих сторон в своей исключительной правоте – беспримерно высокой. Сионисты, палестинцы, израильтяне, арабские страны региона, различные великие державы, международные организации и бесчисленные кандидаты в миротворцы так и не смогли выработать взаимоприемлемого решения для трагического конфликта двух национальных общин, претендующих на одну и ту же территорию, и число жизней, разрушенных, оборванных или просто омраченных этими событиями, пока только растет. Канадский историк Нил Каплан сделал своей задачей максимально беспристрастно изложить историческую канву этого спора, проанализировав как материальные, так и нематериальные факторы, которые препятствуют мирному урегулированию. Его книга помогает понять всю тяжесть ситуации, в которой обе пережившие страшные исторические травмы стороны видят себя праведной жертвой ничем не спровоцированной агрессии, а также объясняет, почему именно история Палестины и Израиля вызывает столь ожесточенные дискуссии и как о ней можно рассуждать так, чтобы как минимум не навредить, – но одновременно и заставляет задуматься о проблемах урегулирования любого конфликта.

УДК 94(569.4)+94(569.4=927)

ББК 63.3(5Изр)+63.3(5Пал)

ISBN 978-5-00-223684-8

© Каплан Н., 2020

© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Список карт	8
Предисловие к первому изданию	9
Предисловие ко второму изданию	11
Список сокращений	13
Замечание об источниках	14
Часть I	15
Глава 1	15
Глава 2	29
Часть II	47
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Нил Каплан

Израильско-палестинский конфликт: Непримиемые версии истории

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Переводчик: *Галина Бородина*

Научный редактор: *Дмитрий Марьясис*

Редактор: *Пётр Фаворов*

Издатель: *Павел Подкосов*

Руководитель проекта: *Анна Тарасова*

Художественное оформление и макет: *Юрий Буга*

Корректоры: *Ольга Петрова, Елена Рудницкая, Ольга Смирнова*

Верстка: *Андрей Ларионов*

В оформлении обложки использованы иллюстрации Cristina Gottardi/Unsplash и Shutterstock

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© John Wiley & Sons, Inc., 2020

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

* * *

ИЗРАИЛЬСКО- ПАЛЕСТИНСКИЙ КОНФЛИКТ

Непримиемые версии истории
НИЛ КАПЛАН

Перевод с английского

Москва, 2025

*С глубокой скорбью я посвящаю свою книгу многим жертвам этого
и других конфликтов*

Список карт

- [1.1](#) Палестина теряет территории
- [1.2](#) Уменьшающийся дом еврейского народа: Палестина в 1922 и 1948 гг., Израиль в 1948 г.
- [1.3](#) Еврейские поселения в Палестине, 1855–1914 гг.
- [1.4](#) Первая сионистская колония в Палестине, 1878 г.
- [2.1](#) Подмандатная Палестина, 1923 г.
- [5.1](#) План раздела Палестины, предложенный комиссией Пиля, июль 1937 г.
- [6.1](#) План раздела Палестины, одобренный ООН, 1947 г.
- [6.2](#) Израиль и его соседи, 1949–1967 гг.
- [7.1](#) Израиль и оккупированные территории, 1967 г. ил Блоки поселений и обмен территориями, предложенный на переговорах в Аннаполисе в 2008 г.

##

Предисловие к первому изданию

Война, вспыхнувшая на Ближнем Востоке в июне 1967 г., заставила меня, тогда старшекурсника, выбиравшего для себя тему будущей диссертации, впервые осознать всю сложность арабо-израильского конфликта. Первой моей реакцией стало желание отыскать решение проблемы, естественным образом вытекающее из опыта моей собственной страны. Канада праздновала тогда свой столетний юбилей, и там шли оживленные публичные дебаты о том, как англичане и французы могут, как и прежде, гармонично сосуществовать в рамках единой федерации. Но год исследовательской работы и учебы в Лондоне неожиданно пробудил во мне интерес к историческим истокам и траектории развития арабо-израильского конфликта, полностью переключив мое внимание с будущего на прошлое.

С тех пор я посвящаю свои научные, литературные и преподавательские усилия почти исключительно истории, дипломатии и психологии этого конфликта. Больше всего мне нравилось копаться в архивах в поисках первоисточников и писать статьи и монографии для научной аудитории – в итоге, несмотря на отсутствие формального исторического образования, я сформировался как историк. В то же время я проникся глубоким интересом к социально-психологическим аспектам этого длительного конфликта и осознал их огромное значение.

Мало что в этом споре и в отношении к нему обеих сторон можно назвать простым и понятным, и потому так трудно коротко и ясно суммировать его события и задействованные в нем факторы, не игнорируя при этом их многогранности. Эта книга, написанная для серии «Оспаривая прошлое» (Contesting the Past) издательства Wiley-Blackwell, родилась из прочитанных мною в различных университетах лекций, дополненных некоторыми критическими размышлениями о том, как этот конфликт описывается в академической и популярной литературе. Она должна занять свое место в ряду нескольких уже изданных исторических обзоров, но не ограничивается простым пересказом событий, фокусируясь, кроме того, на тех фундаментальных расхождениях, которые, как мне представляется, заводят в тупик как конфликтующие стороны, так и историков конфликта.

Одна из трудностей, с которыми я столкнулся, работая над этой книгой, состояла в том, что при изложении истории конфликта мне было непросто выбрать подходящий уровень детализации. Основной текст я решил посвятить общему обзору событий, время от времени отсылающему читателя к порой пространным примечаниям, где приводятся дополнительные нюансы и противоположные интерпретации; к ним можно обращаться или не обращаться в зависимости от желания или потребности узнать больше.

И наконец, несколько слов о восприятии и пристрастности. Одна из опасностей, подстерегающая любого, пишущего на эту тему, состоит в том, что всегда найдется человек, который сочтет то или иное слово или фразу чрезмерным упрощением или искажением событий или мотивации действующих лиц. Я делал все возможное, чтобы предвосхитить такую реакцию, тщательно подбирая выражения с учетом всех смысловых и эмоциональных оттенков. Я надеюсь, что читатели оценят мои усилия, направленные на то, чтобы обеспечить каждой из оспариваемых версий истории этого конфликта право на справедливое рассмотрение наравне с другими.

Я благодарен коллегам и друзьям, которые по доброте душевной помогали мне, отвечая на вопросы и критикуя черновики отдельных глав. Кто-то из них наверняка не согласится с какими-то аспектами моего описания истории или историков, поэтому я избавляю их от неловкости и не стану перечислять здесь их имена, а вместо того выскажу свою благодарность в частном порядке. Добрее всех ко мне была моя жена Мара, которая оказывала мне столь необходимую эмоциональную поддержку, в ущерб себе обеспечивая автору этих строк наилучшие условия для занявшей немалый срок работы над книгой.

*Первая версия от декабря 2008 г.,
публикуется с минимальными изменениями*

Предисловие ко второму изданию

В новом издании мною предпринята попытка, во-первых, включить в изложение ряд важных событий, случившихся за те десять лет, что прошли с публикации первого издания. С этой целью заключительная глава части II была заменена двумя новыми.

Во-вторых, общественные науки в эти годы не стояли на месте, да и объем популярной литературы, посвященной конфликту, тоже продолжает расти. Поэтому я соответственно расширил список источников в конце книги, включив в него избранные новые публикации.

Я с удовольствием отмечаю, что две центральные концепции или закономерности, намеренные мною в первом издании, были подхвачены и получили дальнейшее развитие в трудах других авторов: это, во-первых, акцент на *восприятии себя как жертвы*, свойственном обоим противоборствующим сторонам, а во-вторых, анализ конфликта как основанного на *соперничающих нарративах*. Популярность последнего подхода нашла отражение в целом ряде новых исследований¹, а также в международных образовательных инициативах, о чем будет сказано в главе 13.

В последние несколько лет израильско-палестинский конфликт справил ряд исторических юбилеев. К ним были приурочены не только специализированные научные конференции, но и публичные заявления правительств и неправительственных организаций, а также шквал новых книг, журнальных статей, документальных радиопрограмм и телефильмов, призванных снова привлечь внимание общественности к этому все еще незавершенному конфликту.

Один только 2017 г. отмечен тремя важными вехами: 100 лет декларации Бальфура, 70 лет историческому плану ООН по разделу Палестины, 50 лет с июньской войны 1967 г. и оккупации Израилем Западного берега реки Иордан и сектора Газа. В 2018 г. наступили еще четыре знаменательные даты: 70 лет независимости Израиля и тот же срок с момента палестинской Накбы, 40 лет с начала египетско-израильских переговоров 1978 г. в Кэмп-Дэвиде и 25 лет со дня подписания соглашений в Осло в 1993 г. Все эти годовщины были отмечены либо торжествами, либо осуждением – в соответствии с позицией тех, кто их отмечал. Это переработанное издание книги «Израильско-палестинский конфликт» готовилось именно в то время, когда эти памятные даты и их ретроспективные оценки находились в центре внимания, подталкивая к критическому осмыслению стратегических просчетов и упущенных возможностей.

За десятилетие, прошедшее с первого издания, было предпринято несколько новых попыток урегулировать конфликт, но ни одна из них не увенчалась успехом. К сожалению, этот же период был отмечен новыми вспышками насилия и кровопролития, заметным падением уровня доверия между израильтянами и палестинцами и соответствующим снижением качества дискуссий как непосредственно между конфликтующими сторонами, так и среди тех, кто следит за ними в средствах массовой информации или академических институтах. Отражая этот общий упадок, тон многих моих первоначальных выводов сместился в сторону более пес-

¹ См., например: Haas, P. (2008). Moral visions in conflict: Israeli and Palestinian ethics. *Anguished Hope: Holocaust Scholars Confront the Palestinian-Israeli Conflict* (ed. L. Grob & J. K. Roth), 14–29. Grand Rapids, MI: Eerdmans; Golani, M. & Manna, A. (2011). *Two Sides of the Coin: Independence and Nakba, 1948: Two Narratives of the 1948 War and Its Outcome*. Dordrecht, the Netherlands: Republic of Letters, for the Institute for Historical Justice and Reconciliation; Adwan, S., Bar-On, D. & Naveh, E., PRIME. (2012). *Side by Side: Parallel Histories of Israel-Palestine*. New York: The New Press; O'Malley, P. (2015). *The Two-State Delusion: Israel and Palestine – A Tale of Two Narratives*, ch. 1–2. New York: Viking; Roberts, J. (2013). *Contested Land, Contested Memory: Israel's Jews and Arabs and the Ghosts of Catastrophe*. Toronto: Dundurn; Black, I. (2017). *Enemies and Neighbours: Arabs and Jews in Palestine and Israel, 1917–2017*. London: Penguin/New York: Grove Atlantic. Критику подхода, в основе которого лежит представление о соперничающих нарративах, см. в: White, B. (2016, 18 August). Why we must see Israeli policies as a form of settler colonialism. *MEMO: Middle East Monitor*, <https://www.middleeastmonitor.com/20160818-why-we-must-see-israeli-policies-as-a-form-of-settler-colonialism> (дата обращения 16 сентября 2018 г.); Parsons, L. (2018). Separate but unequal. *Times Literary Supplement*.

симистичных оценок (например, название последней главы изменилось с «Как преодолевать препятствия» на всего лишь «Как подходить к препятствиям»). За последние годы конфликт не просто не приблизился к разрешению, наоборот, многие его участники и сторонние наблюдатели считают, что в 2019 г. дело обстоит хуже, чем когда бы то ни было.

*Монреаль, Квебек, Канада
Апрель 2019 г.*

Список сокращений

- ААСІ – Англо-американский комитет по вопросу о Палестине
АРІ – Арабская мирная инициатива
BDS – Кампания «Бойкот, отказ от инвестиций и санкции»
ЦСА – Центральный сионистский архив
ДФОП – Демократический фронт освобождения Палестины
DOP – Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению
ETZEL – Военизированная организация «Иргун Цвай Леуми»
ГАА – Соглашения об общем перемирии
ЦАХАЛ – Армия обороны Израиля
ЛЕНІ – «Лохамей Херут Исраэль» («Борцы за свободу Израиля» или «банда Штерна»)
МАС – Смешанная комиссия по перемирию
НПО – Неправительственная организация
ОПТ – Оккупированные палестинские территории
НФОП – Народный фронт освобождения Палестины
PIPA – The Israeli-Palestinian Conflict: A Documentary Record, 1967–1990 («Палестино-израильское мирное соглашение: документы 1967–1990 гг.»)
ООП – Организация освобождения Палестины
ПНА – Палестинская национальная администрация
ПНС – Палестинский национальный совет
ООН – Организация Объединенных Наций
UNEF – Чрезвычайные вооруженные силы ООН
ГА ООН – Генеральная Ассамблея ООН
БАПОР – Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ
СБ ООН – Совет Безопасности ООН
UNSCOP – Специальный комитет ООН по Палестине
ОНВУП – Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия

Замечание об источниках

Там, где они доступны, я отдавал предпочтение *первичным* источникам и рассказам из первых уст, а не вторичным, как их называют историки. Первые – подлинные, неприукрашенные составные элементы, из которых строится любое историческое повествование: тексты публичных заявлений, официальная или частная корреспонденция, отчеты о беседах, протоколы встреч, личные дневники – в общем, описания того, что случилось, оставленные людьми, которые лично при случившемся присутствовали. Многие из этих первоисточников, к счастью, легко найти в сборниках документов, особенно в таких, как «Израильско-арабская хрестоматия. Документальная история конфликта на Ближнем Востоке» (The Israel-Arab Reader) под редакцией Вальтера Лакера и Дэна Шуэфтана² и «Израильско-палестинский конфликт. Документальная запись, 1967–1990 (The Israeli-Palestinian Conflict: A Documentary Record, 1967–1990) под редакцией Иегуды Лукаша³.

Учитывая частоту ссылок на эти сборники, они даются в сносках в сокращенном виде. Я также часто отсылаю читателя к первичным документам, доступным на сайте <https://naip-documents.blogspot.ca>, созданном как приложение к книге «Обсуждая арабо-израильское мирное урегулирование» (Negotiating Arab-Israeli Peace), которую я написал в соавторстве с Лорой Зиттрейн-Айзенберг⁴.

Историки и другие авторы используют такие первичные источники в качестве сырья для своей интерпретации событий, создавая тем самым *вторичные* источники (статьи и книги), основанные на их собственном подходе к отбору и организации материала, и предлагая свой взгляд на события и действующих лиц. Подробнее об этом – в главе 12, «Как писать о конфликте».

Как носители иного языка, мы являемся чужаками по отношению к сторонам этого конфликта. Основные языки, на которых они коммуницируют и публикуют тексты, – это арабский и иврит. Несмотря на этот языковой барьер, нам тем не менее доступна неплохая подборка работ арабов и израильтян в английском переводе. Имея в виду, что бóльшая часть моих читателей вряд ли сможет получить доступ к материалам на арабском или иврите, я цитирую почти исключительно англоязычные источники. Но, как справедливо предупреждают меня коллеги в регионе, по некоторым вопросам – и особенно в том, что касается дискуссий историков (глава 12), – нам, сторонним наблюдателям, видна лишь верхушка айсберга, доступная в переводах. Мы упускаем подробности этих дебатов и богатое разнообразие идей, которые по-прежнему имеют хождение в арабской и израильской научной и художественной литературе, в видеоматериалах и мемуарах.

Нельзя отрицать, что в наше время все чаще используются онлайн-ресурсы, но по моим сноскам и примечаниям понятно, что я упрямо верю в то, что для полноценного и основательного изучения этой темы необходимо опираться прежде всего на старомодные печатные материалы (книги, научные сборники, журналы, брошюры), хранящиеся на библиотечных полках.

² Laqueur, W. & Schueftan, D. (ed.) (2016). *The Israel-Arab Reader: A Documentary History of the Middle East Conflict*, 8e. New York: Penguin. – В книге я буду ссылаться только на краткое наименование этой работы. Предыдущие издания этого важного труда выходили под совместной редакцией Лакера и покойного Барри Рубина.

³ Lukacs, Y. (ed.) (1992). *The Israeli-Palestinian Conflict: A Documentary Record, 1967–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.

⁴ Eisenberg, L.Z. & Caplan, N. (2010). *Negotiating Arab-Israeli Peace: Patterns, Problems, Possibilities*. Bloomington/Indianapolis: Indiana University Press. ГЛАВА 1

Часть I

Введение

Глава 1

Проблемы в определении конфликта

Если современный конфликт, достойный описания в серии исторических работ под названием «Оспаривая прошлое», вообще существует, то это, несомненно, арабо-израильский или, иначе говоря, израильско-палестинский конфликт. Один ученый, возможно гиперболизируя, считает его «самым ожесточенным на сегодняшний день межобщинным противостоянием в мире»⁵. Любую попытку просто перечислить его основные события в хронологическом порядке обязательно кто-нибудь оспорит – даже если это перечисление будет намеренно нейтральным, без явной редакционной политики и суждений о мотивах, причинах и следствиях. Естественно, от подобной голой хронологии толку мало всем: изучение истории – дело гораздо более сложное.

В декабре 1945 г. доктор Хаим Вейцман, президент Всемирной сионистской организации, писал президенту США Гарри Трумэну: «Палестина, учитывая ее размеры, является, вероятно, самой исследованной страной в мире»⁶. Через 50 с лишним лет французский интеллектуал Режи Дебре, по совместительству бывший соратник кубинского революционера Эрнесто Че Гевары, с этим соглашался: «Ни один конфликт в мире так хорошо не задокументирован, не нанесен на карту и не описан»⁷. Сопоставления и противопоставления такого рода встречаются нередко, даруя парадоксальное утешение людям, изучающим это долгое и труднодостижимое противостояние.

Неудивительно, что способов понять и объяснить израильско-палестинский или арабо-израильский конфликт существует великое множество. Такие попытки объяснения – будь то в сфере политики или лоббирования, в средствах массовой информации, в научных кругах или в широком общественном дискурсе – частенько и сами напоминают этот чрезвычайно противоречивый конфликт во всей его ожесточенности и сложности. Типичная схема тут – противопоставление «правдивых» оценок одной стороны «лжи», «мифам» и «пропаганде» другой. В меньшей мере упрощающими и более полезными оказываются работы тех ученых, журналистов и аналитиков, которые признают и обсуждают конкурирующие нарративы конфликта – разнящиеся истории, версии, представления или точки зрения, которых придерживаются люди, принимающие в нем самое непосредственное участие.

Во второй части книги будет кратко рассмотрена история 140 лет этих взаимосвязанных конфликтов – израильско-палестинского и арабо-израильского, – начиная с их исторических истоков на местном уровне и заканчивая столкновениями регионального и общемирового масштаба. Отражая – и уважая – несовпадение нарративов, мы выделим 11 основных противоречий, которые разделяют израильтян и палестинцев и вносят свой вклад в тот прискорбный факт, что конфликт и сегодня остается неразрешенным, не поддаваясь всем попыткам его урегулирования. Мои намерения скромны, но при этом довольно трудноосуществимы: рассмотреть этот конфликт во всей его парадоксальности и сложности, по возможности приподнять

⁵ Wheatcroft, G. (2008). Zion story. *The Times Literary Supplement*, 20 Feb.

⁶ Хаим Вейцман – Гарри Трумэну, 12 декабря 1945 г., Heller, J. (ed.) (1979). *Letters and Papers of Chaim Weizmann*, vol. 22, 78. New Brunswick, NJ: Rutgers University/Transaction Books.

⁷ Debray, R. (2007). Palestine: A policy of deliberate blindness. *Le Monde Diplomatique* (Eng. ed.), p. 5.

завесу тайны над некоторыми его чертами и предложить некое объяснение, почему истории Палестины и Израиля – нарративы, которыми дорожат палестинцы и израильтяне, – настолько ожесточенно оспариваются.

«Что в имени?»

Ряд проблем обусловлен сложностями, вытекающими из самого акта называния конфликта и его основных сторон. Называя конфликт и тем самым определяя его суть, мы немедленно и непреднамеренно занимаем позицию, которую обязательно оспорит кто-нибудь, кто придерживается иной точки зрения. Конфликт, который будет подвергнут анализу на страницах этой книги, называли и «еврейско-арабским», и «сионистско-арабским», и «арабо-израильским», и «израильско-палестинским».

Если мы решаем называть его «еврейско-арабским», мы противопоставляем еврейский народ как единое целое арабскому народу как опять же единому целому. Но насколько это адекватное и точное определение? Как мы увидим далее (глава 2), обозначения «евреи» и «арабы» относятся к большим группам, охватывающим и тех, кто непосредственно не претендует на земли Палестины/Израиля. И хотя некоторые авторы действительно называют конфликт «арабо-еврейским», я избегаю такого определения, поскольку оно слишком широко, что может привести к путанице и ошибочным интерпретациям.

Столь широкое определение размывает *политический, национальный и территориальный* аспекты конфликта в том виде, в котором он существует сегодня. Одну из противоборствующих сторон этими недостающими характеристиками можно снабдить, если вместо слова «еврейский» использовать термин «сионистский». Сионисты провозглашают и поддерживают стремление евреев «вернуться в Сион» (то есть в Иерусалим и на Святую землю); в новейший период это подразумевает еще и содействие созданию на этой территории еврейского государства. Придерживаясь такого определения, можно, не погрешив против истины, сказать, что до создания государства Израиль в 1948 г. мы имели дело в основном с «сионистско-арабским» и «сионистско-палестинским» конфликтом.

Но тогда кто такие арабы? Это понятие на самом деле не симметрично понятию «евреи»; арабов можно определить как этнонациональную группу с общей историей, общим языком – арабским – и общими культурными корнями, восходящими к племенам, жившим некогда на Аравийском полуострове. «Арабо-израильский конфликт» – название, которое, вероятно, используется чаще всего, – во многих смыслах подходит для территориального и политического спора, который с 1948 г. тянется между государством Израиль, с одной стороны, и двадцатью или около того государствами, которые считают себя арабскими, с другой.

Но даже и это предпочтительное определение имеет ряд недостатков. Как мы уже отмечали, оно может породить ошибочное представление, будто конфликт начался в 1948 г. с создания государства Израиль, упуская по меньшей мере полвека предшествующего сионистско-арабского и сионистско-палестинского противостояния. Также вводит в заблуждение и представление, будто арабский мир – это единое целое, которое демонстрирует единый подход и политику по отношению к евреям, сионизму и/или Израилю. На самом деле исторический опыт, стратегии и отношение отличаются от одного арабского народа и государства к другому, и в итоге идея, будто арабы – как нечто единое – представляют собой одного из двух антагонистов арабо-израильского конфликта, может увести нас далеко в сторону⁸.

⁸ Убедительную трактовку этого вопроса см. в: Tessler, M. (2006). Narratives and myths about Arab intransigence toward Israel. In: *Israeli and Palestinian Narratives of Conflict: History's Double Helix* (ed. R. I. Rotberg), 174–193. Bloomington/Indianapolis: Indiana University Press.

Еще один потенциальный недостаток этого определения конфликта заключается в том, что широкий термин «арабский» иногда заставляет упускать из виду или недооценивать значение более узко понимаемого конфликта, в котором сионисты (до 1948 г.) и Израиль (после 1948 г.) сталкивались с арабами *Палестины* (или *палестинцами*). Так, например, если в большинстве дискуссий, имевших место с 1948 по 1973 г., довольно точно говорилось об *арабо-израильском конфликте*, то после 1973-го, и особенно после 1993 г., многие стали рассматривать конфликт как более узкий, *израильско-палестинский* по своей сути, то есть как борьбу за суверенитет и самоопределение двух народов на одной и той же территории – не забывая, что у него есть и более широкие, арабские, измерения.

В этой книге я придерживаюсь двух последних способов обозначения конфликта. Обще-принятое и привычное «арабо-израильский конфликт» используется, чтобы обозначить и учесть его широкие региональные масштабы, но, рассуждая о его глубинной сути и о двух основных противоборствующих сторонах, я буду называть конфликт «палестино-израильским». Важно отметить, что такой способ определения конфликта и его сторон горячо оспаривается некоторыми, прежде всего правыми израильцами и сионистами⁹.

Нагруженная смыслами терминология

Как и при обсуждении других конфликтов, сама терминология может намеренно или ненамеренно поддерживать точку зрения той или иной стороны, выдавая предвзятость или симпатии автора или выступающего. Эти опасности можно наглядно проиллюстрировать на примере арабо-израильского конфликта в том, что касается не только его общего описания, но и обозначений противоборствующих сторон, наименований событий и подписей на картах.

Как и при изложении событий всех других конфликтов и войн, терминология используется для того, чтобы помочь отделить героев от злодеев. Что чувствует и чью сторону занимает автор или наблюдатель, видно по тому, какие слова он выбирает: термины с пейоративными коннотациями (например, «террорист») или же такие, которые выставляют то же действующее лицо в более выгодном свете (например, «борец за свободу»). Поскольку на добродетель и благородство претендуют оба лагеря, наблюдатели в итоге встают на ту или другую сторону, выбирая, когда говорить об актах «агрессии», а когда – об актах «сопротивления» этой агрессии.

В том или ином обозначении главных действующих лиц многим слышатся автоматические – желательные или нежелательные – коннотации. Слово «сионист», например, может ассоциироваться с антисемитской брошюрой «Протоколы сионских мудрецов» – фальшивкой, состряпанной, чтобы якобы доказать, что евреи коварно составили тайный заговор с целью править миром. Палестинскими арабами, которые боролись с сионистами за контроль над Палестиной/*Эрец-Исраэль* (на иврите «Земля Израиля»), термин «сионисты» очевидно будет восприниматься негативно, поскольку он обозначает людей, захвативших земли и страну, которые палестинцы считают своими. Более того, мифическое могущество, приписываемое мировому еврейству, сыграло свою роль в возбуждении страха – а порой и уважения – у противников сионистов.

Некоторые международные кампании в защиту прав палестинцев привели к дальнейшему очернению термина «сионист» – свой вклад тут внесла и принятая в 1975 г. (и отмененная в 1991-м) резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, в которой сионизм приравнялся

⁹ См., например: Shamir, Y. (1982). Israel's role in a changing Middle East. *Foreign Affairs* 60 (4): 790–793; Netanyahu, B. (2000). *A Durable Peace: Israel and Its Place among the Nations* (rev. ed.). New York: Warner Books, ch. 3 (“The Theory of Palestinian Centrality”); Karsh, E. (2014). *The Myth of Palestinian Centrality*. Ramat Gan: Begin-Sadat Center for Strategic Studies, Bar-Ilan University. *Mideast Security and Policy Studies* No. 108, <https://besacenter.org/mideast-security-andpolicy-studies/myth-palestinian-centrality/> (дата обращения 17 июня 2018 г.).

к расизму¹⁰. Хотя я и признаю существование этих уничижительных коннотаций, используя это слово на страницах книги, я буду чаще всего обозначать им тех, кто исторически причислял себя к сионистам, то есть приверженцев идеологических и политических движений, стремящихся построить национальный дом еврейского народа – еврейское государство на земле Палестины/Эрец-Исраэль.

Читатели, отрицающие легитимность еврейского государства, могут обижаться на упоминание «Израиля» и «израильтян», предпочитая называть последних «сионистскими захватчиками» или «оккупантами», а первый – «сионистским образованием» или «оккупированной Палестиной». Зато другим читателям могут не понравиться мои частые отсылки к «палестинцам», которых они предпочитают называть «арабами», в соответствии с убеждением, что не существует такого явления, как отдельный палестинский народ, заслуживающий отдельного палестинского государства.

Аналогичная озабоченность существует и в отношении наименований событий и эпизодов в истории арабо-сионистских отношений до 1948 г. и израильско-арабских отношений после этой даты. Вспышкам насилия, возникавшим в период британского правления (1917–1948), давались разные имена, порой с разительно противоположными коннотациями. Называть их «волнениями» кажется преуменьшением, а термины «бунты» или «беспорядки» предполагают примитивное и преступное поведение части населения, прежде всего арабов, но иногда также и евреев. Некоторые палестинские и арабские националисты предпочитают называть эти события «манifestациями протеста» (которые перерастали в насилие) или «актами сопротивления» британской оккупации и сионистской колонизации их земли.

Вероятно, самый известный пример расхождений в наименовании событий – это война 1948 г. (точнее, боевые действия, начавшиеся в декабре 1947 г. и закончившиеся в январе 1949-го). Для израильтян это Освободительная война, или Война за независимость (на иврите *милхэмэт ха-ацмаут*) – событие, наполненное радостью и нагруженное смыслами спасения и освобождения. Для палестинцев это *Накба*, что переводится как «катастрофа», повлекшая за собой разрушение их общества, а также изгнание и рассеяние более 700 000 беженцев.

Названия последующих арабо-израильских войн тоже являются предметом споров. С израильской точки зрения война 1956 г. между Израилем и Египтом – это Синайская кампания или операция «Кадеш», по кодовому обозначению плана боевых действий Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ). Однако среди египтян и вообще арабов она известна как Трехсторонняя агрессия, что подчеркивает согласованность между вторжением израильской армии и дальнейшими англо-французскими военными операциями в зоне Суэцкого канала под предлогом его защиты от обеих враждующих сторон. Более нейтральные варианты обозначения этой войны – Суэцкая война или война 1956 года. Называть войну в июне 1967 г. Шестидневной – значит подчеркивать и прославлять молниеносность и кажущуюся легкость победы Израиля, что, вероятно, обижает арабов в их поражении. Аналогично: называть атаку Египта и Сирии на израильские войска, размещенные вдоль Суэцкого канала и на Голанских высотах, в октябре 1973 г. Войной Судного дня – значит представлять эту войну с израильской точки зрения, подчеркивая безжалостность врага, выбравшего для внезапного нападения священнейший для иудеев день. В целом лучший способ приблизиться в этом вопросе к нейтральности – это называть войны по их календарным датам.

¹⁰ Резолюция Генассамблеи ООН № 3379, принята 10 ноября 1975 г. 72 голосами против 35 (32 воздержались); Резолюция Генассамблеи ООН № 4686, принята 16 декабря 1991 г. 111 голосами против 25 (13 воздержались).

Карты

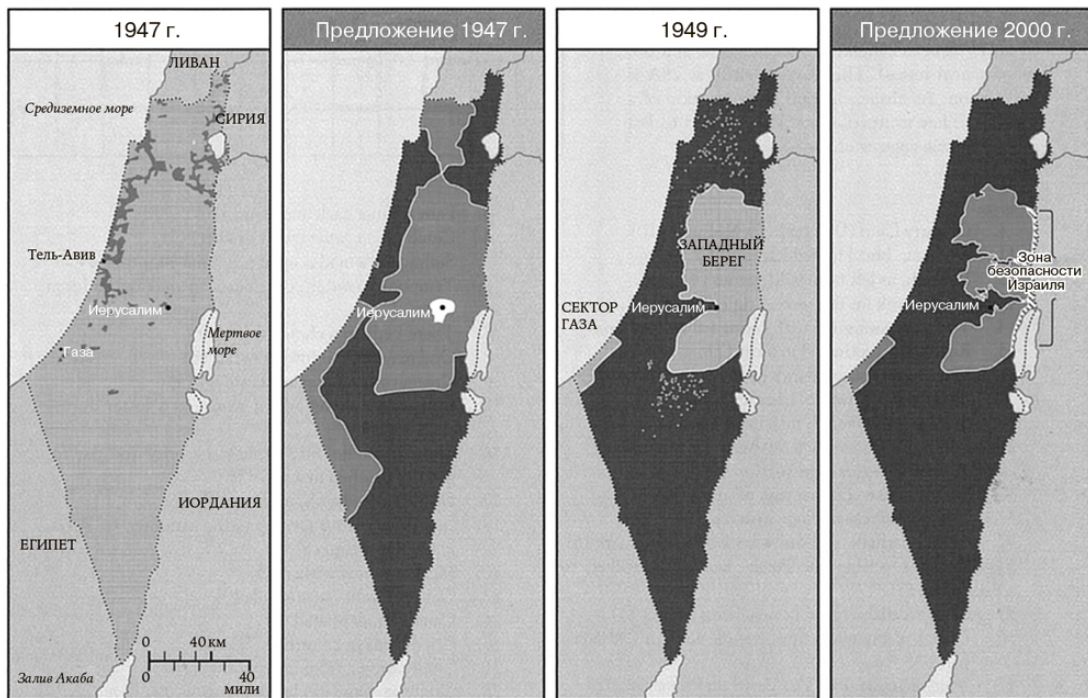
Наконец, еще один спорный аспект арабо-израильского конфликта – это географическая номенклатура на картах¹¹. Карты на арабском языке обычно называют всю спорную территорию *Филастин* (Палестина), а страну под названием Израиль вообще не упоминают – это политический акт непризнания. На большинстве мировых и региональных карт, публиковавшихся на английском и других европейских языках между 1949 и 1967 гг., напротив, не обозначено никакой Палестины (которая исчезла как отдельная политическая единица после войны 1947–1949 гг.), а есть только новое государство Израиль, располагающееся в границах, предусмотренных перемирием 1949 г. (см. [карту 6.2](#)).

На многих картах, издававшихся на иврите после 1967 г., не обозначены палестинские территории, захваченные Израилем у Иордании (Западный берег), Египта (сектор Газа) и Сирии (Голанские высоты) в ходе войны в июне того же года; на других все-таки указаны границы, определенные перемирием 1949 г., также известные как «зеленая линия». Карты, изданные движением израильских поселенцев, всегда игнорируют «зеленую линию», а палестинские территории, захваченные в 1967 г., обозначают их библейскими названиями на иврите, *Иехуда ве-Шомрон* (Иудея и Самария), что подчеркивает их принадлежность к обещанной евреям в Библии стране Эрец-Исраэль и намерение сделать их частью современного израильского государства. Эти последние территории в общем и почти повсеместно известны теперь как Западный берег (реки Иордан). В совокупности с сектором Газа их называют по-разному: «управляемые территории» и «спорные территории» (в основных официальных израильских публикациях), а также «освобожденные территории» (в публикациях, продвигающих идею «Неделимой земли Израиля», выходящей за пределы границ 1949 г.). В международной практике прижился термин «оккупированные территории» или «оккупированные палестинские территории» (ОПТ) – см. карты [7.1](#), [11.1](#).

Группирование карт и обозначения на них также могут быть крайне политизированными, являясь способом указать на агрессивные мотивы противника или заявить о своих притязаниях. Так, например, и палестинцы, и сионисты используют карты, чтобы показать, как их народы постепенно теряли территории – будь то фактически заселенные ими или только им обещанные. Негативный образ Израиля как агрессивного и экспансионистского государства часто достигается путем размещения карт в последовательности, которая демонстрирует рост территории, предназначенной Израилю или удерживаемой Израилем, начиная с карты раздела, одобренного ООН в 1947 г., продолжая картой, на которой изображены линии перемирия 1949 г., и заканчивая новой картой, отражающей победу Израиля в войне 1967 г. (карты [6.1](#) и [6.2](#)). Типичный пример можно отыскать в сборнике материалов конференции 1999 г. под названием «Будущее Палестины и Израиля: от колониальных корней к постколониальным реалиям», в предисловии к которому приводится серия карт, озаглавленных «Утрата территорий Палестиной, 1946–1999 гг.». Каждая из четырех карт фиксирует изменение очертаний и размера «палестинских земель» и «еврейских земель», причем использование слова «стадия» намекает на преднамеренную агрессию Израиля¹². Карта 1.1, взятая из одного американского журнала, рассказывает ту же историю.

¹¹ См.: Benvenisti, M. (1986). *Conflicts and Contradictions*, 191–202. New York: Villard Books (2000); *Sacred Landscape: The Buried History of the Holy Land since 1948* (transl. M. Kaufman-Lacusta). Berkeley/London: University of California Press (2000); Pappé, I. (2014). *The Idea of Israel: A History of Power and Knowledge*, 24–26. London/New York: Verso. Об особых проблемах, с которыми сталкиваются израильтяне, см. в: Collins-Kreiner, N., Mansfeld, Y. & Klot, N. (2006). The reflection of a political conflict in mapping: The case of Israel's borders and frontiers. *Middle Eastern Studies* 42 (3): 381–408; Miles, W.F.S. (2011). Border pedagogy in Israel. *Middle East Journal* 65 (2): 253–277.

¹² Farouk-Alli, A. (2007). The poetics of justice and the politics of oppression. In: *The Future of Palestine and Israel: From*

После того как в 1920 г. Британия установила контроль над Палестиной, доля еврейского населения в ней увеличивается с 1/10 до 1/3 к 1947 г.; к этому моменту евреям принадлежит почти 7% земель — в основном на севере и западе; большая часть евреев живет в городах.

План ООН предлагает отдать 53% территории подмандатной Палестины еврейскому государству и 47% — независимому арабскому государству, а Иерусалим объявить «международным» городом. Судьба арабских городов, остающихся на территории еврейского государства, четко не прописана.

К концу войны 418 арабских городов обезлюдели, а Израиль контролирует 78% территории (где еще остается несколько арабских городов), Западный берег оставлен Иордании, чтобы не допустить создания там палестинского государства, а Египет контролирует сектор Газа.

Израильский план по созданию палестинского государства предусматривает изолированные арабские районы в Иерусалиме и сеть соединяющих еврейские поселения дорог (не показаны), разбивающих Западный берег на 29 фрагментов. Восточная полоса Западного берега остается под контролем Израиля без официальной аннексии.

Группы населения	палестинцы	евреи	израильтяне
В условиях внешнего контроля	■	■	
В условиях самоуправления	■		■

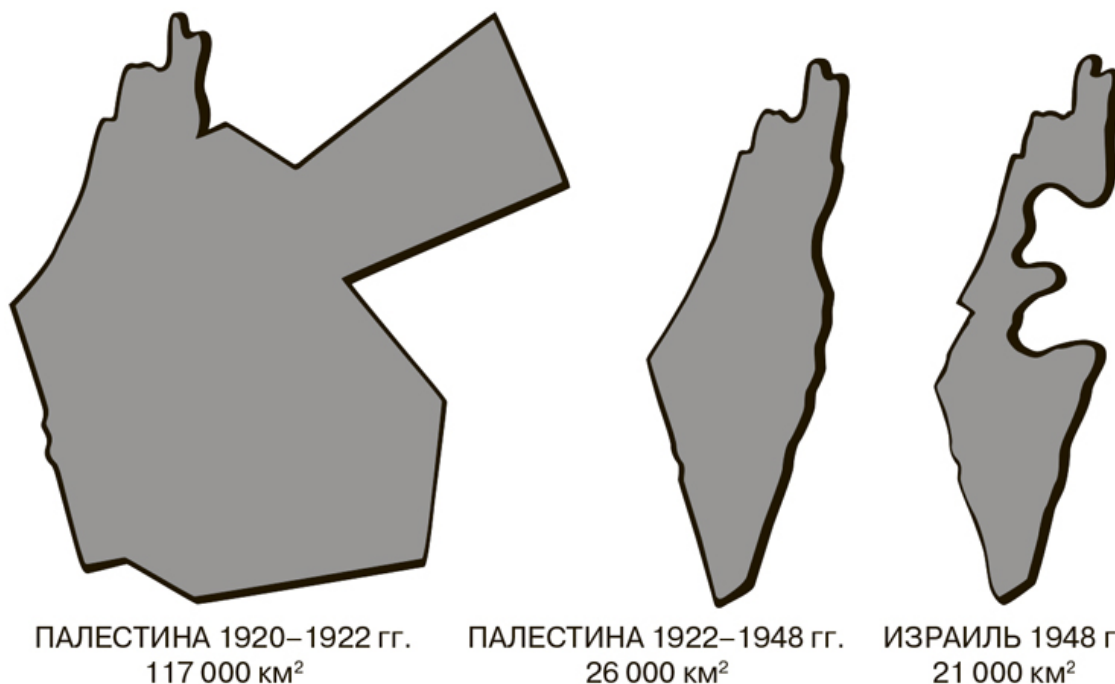
Карта 1.1. Палестина теряет территории

Источник: Seth Ackerman, “Losing Ground”, Harper’s Magazine, December 2001, 88. Art by XPLANE (www.xplane.com). Используется с разрешения.

Для сионистов и израильтян аналогичные карты, напротив, фиксировали бы нарастающий успех политики «собирания» или «приобретения» еврейских земель, без упоминания палестинских потерь.

С точки зрения сионистов и израильтян, обширная «обетованная земля» библейских времен и территория, предложенная в декларации Бальфура (1917) для национального дома еврейского народа (см. главу 4), со временем значительно сократились усилиями Британии и других внешних сил. Это наглядно иллюстрируют три поставленные в ряд карты: карта домандатной Палестины 1920–1922 гг., карта подмандатных территорий 1922–1948 гг., откуда

исчезла Трансиордания, и карта Израиля в 1948 г. (в границах, определенных послевоенным перемирием) – см. карту 1.2¹³.

Карта 1.2. Уменьшающийся дом еврейского народа: Палестина в 1922 и 1948 гг., Израиль в 1948 г.

Источник: Israel's Struggle for Peace, New York: Israel Office of Information, 1960, p. 8.

Иного визуального эффекта можно достичь, если изобразить Израиль в окружении арабских государств, простирающихся от Марокко на западе до стран Персидского залива на востоке и Судана на юге; на таких картах еврейское государство кажется крошечным и беззащитным¹⁴. Схожим образом на исторических картах в атласе Мартина Гилберта разнообразные войны, которые Израиль вел начиная с 1948 г., показаны так, чтобы подчеркнуть уязвимость еврейского государства, окруженного враждебными и агрессивными соседями, которые превосходят его по размерам и/или военной мощи¹⁵.

Сравнение карт, относящихся к начальному периоду сионизма, помогает заглянуть в «ментальные карты» противоборствующих сторон – сионистов и палестинцев. В первое издание классического «Атласа еврейской истории» (Jewish History Atlas, 1969) Мартина Гилберта была включена карта, озаглавленная «Еврейские поселения в Палестине, 1855–1914 гг.» (см. [карту 1.3](#)), которая воспроизводится в популярной «Истории сионизма» (History of Zionism) Вальтера Лакера¹⁶. На нее нанесено около 15 черных точек и треугольников, но ни одного

¹³ См., например: Curtis, M., Neyer, J., Waxman, C.I., & Pollack, A. (ed.) (1975). *The Palestinians: People, History, Politics*, 252–253. New Brunswick, NJ: Transaction Books [подготовлено при содействии Американского академического общества за мир на Ближнем Востоке].

¹⁴ См., например: Curtis, M. et al. *The Palestinians*, 251; Gilbert, M. (2012). *The Routledge Atlas of the Arab-Israeli Conflict*, 10e, 34, 60–61. London/New York: Routledge.

¹⁵ Gilbert, M. *Routledge Atlas*, 37 (Immediate response to the UN Partition plan), 38–39 (Arab attacks and the Jewish reaction), 40–42, 44 (Israel: prelude to independence), 43–4 (Battle for the Jerusalem roads), 52 (Israel's sense of insecurity, 1949–1967), 53 (Central Israel and the Jordan border, 1949–1967), 58 (Terrorist raids into Israel, 1951–1956), 60–61 (Changing balance of power in the Arab world, 1953–1973). Самая, пожалуй, известная и чаще всего копируемая – это карта на с. 45, озаглавленная «Арабское вторжение в Израиль, 15 мая 1948 г.».

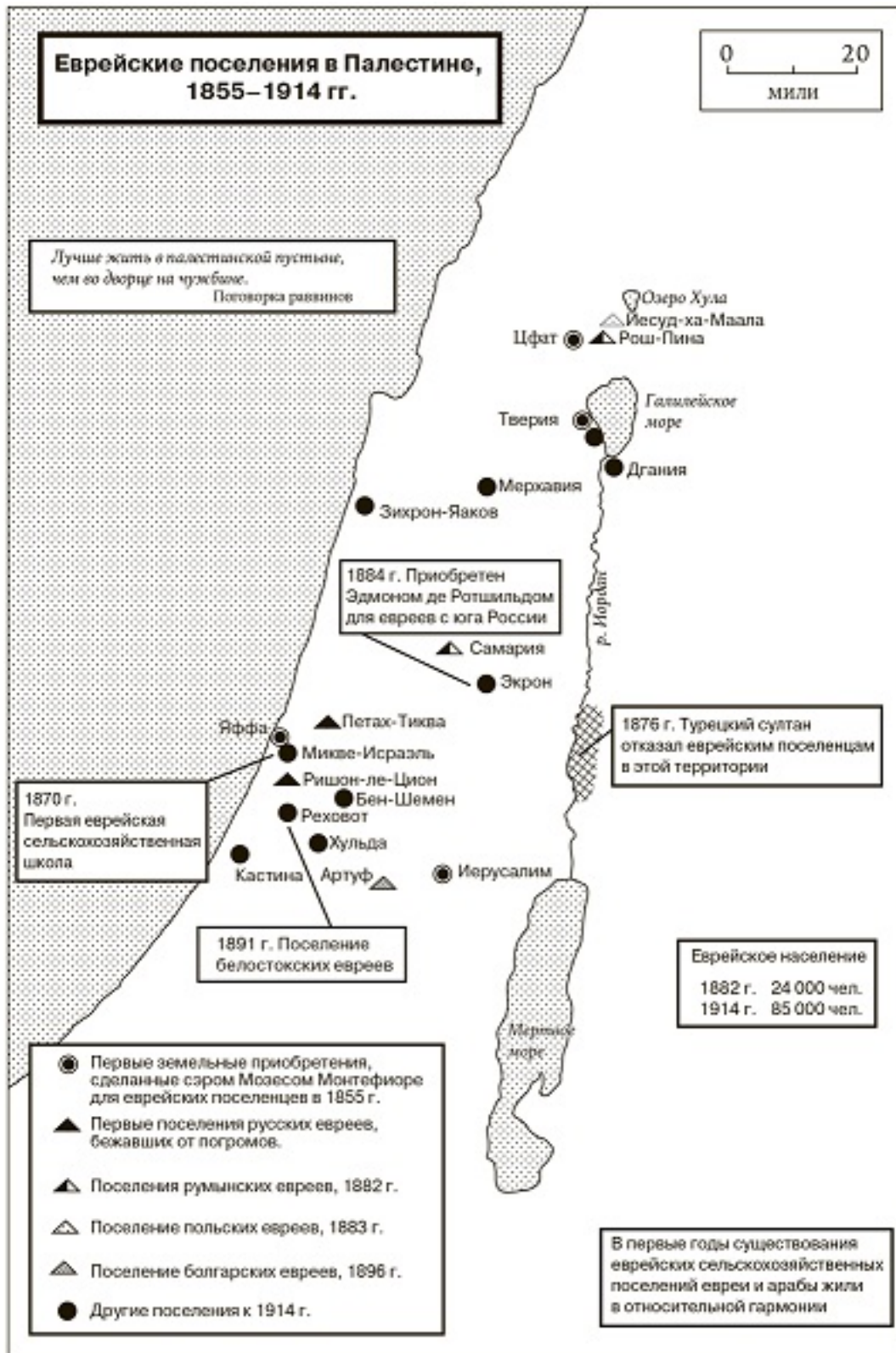
¹⁶ Laqueur, W.Z. (1972). *A History of Zionism*. New York: Holt, Rinehart and Winston; переиздана New York: Schocken Books, 1989, 41. См. похожую карту в: Sachar, H.M. (1976). *A History of Israel: From the Rise of Zionism to Our Time*, 87. New York:

палестинского города или деревни: предполагается, что все белое пространство – это пустующие земли, готовые принять новых жителей, что отражает европоцентричную, колониальную идею отдать «землю без людей людям без земли»¹⁷. В книге Валида Халиди «До их диаспоры» (*Before Their Diaspora*), напротив, приводится карта, озаглавленная «Первая сионистская колония в Палестине, 1878 г.» (см. [карту 1.4](#)), на которой показаны палестинские города и деревни, а также города со смешанным населением – скопления серых точек разного размера и шесть больших черных точек, – а также единственный малозаметный, неподписанный квадратик, обозначающий новую колонию в Петах-Тикве¹⁸.

Alfred A. Knopf, по состоянию на 2 мая 2018 г. на сайте <http://www.passia.org/maps/view/3>.

¹⁷ О происхождении и использовании этой фразы см. в: Garfinkle, A.M. (1991). On the origin, meaning, use and abuse of a phrase. *Middle Eastern Studies* 27 (4): 539–550; Muir, D. (2008). A land without a people for a people without a land. *Middle East Quarterly* 15 (2), по состоянию на 2 октября 2018 г. на сайте <https://www.meforum.org/campus-watch/middle-east-quarterly/a-land-without-a-people-for-a-people-without-12702>. О расширенном применении «феномена “белых пятен” на ментальных картах, которые носят в голове евреи и арабы Палестины/Эрец-Исраэль и которые покрывают места обитания “другого”» см. в: Benvenisti's *Sacred Landscape* (цитата со с. 1).

¹⁸ Khalidi, W. (1984). *Before Their Diaspora: A Photographic History of the Palestinians, 1876–1948*, 34. Washington, DC: Institute for Palestine Studies. См. также саркастическое сравнение карт (1) «земли без людей», где показаны палестинские деревни и города, и (2) «людей без земли», где показаны первые сионистские поселения, в: *From Haven to Conquest: Readings in Zionism and the Palestine Problem until 1948* (ed. and introduced by Walid Khalidi), 94–95. Beirut, 1971; 2e, Washington, DC: Institute for Palestine Studies, 1987.

Карта 1.3. Еврейские поселения в Палестине, 1855–1914 гг.

Источник: Martin Gilbert, *The Jewish History Atlas*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969, p. 79. Воспроизводится с разрешения Taylor & Francis Books UK. © Sir Martin Gilbert. (<http://martingilbert.com>).

Карта 1.4. Первая сионистская колония в Палестине, 1878 г.

Источник: Walid Khalidi, *Before Their Diaspora: A Photographic History of the Palestinians, 1876–1948*, Washington, DC: Institute for Palestine Studies, 1984, 34. Используется с разрешения.

И наконец, люди, склонные трактовать Библию буквально, как детальную инструкцию для настоящего, будут ссылаться на обещания, данные Господом Богом Моисею и Иисусу Навину, о том, что древние евреи получают землю, простирающуюся «от пустыни и Ливана сего до реки великой [Нила?], реки Евфрата, всю землю Хеттеев; и до великого [Средиземного] моря к западу». Сегодняшние арабы и мусульмане склонны опасаться такого использования иудейских религиозных текстов в качестве стратегического плана по захвату Израилем терри-

торий Египта, Сирии и Ирака и возражают против него, тогда как ортодоксальные иудеи готовы воспринимать эти цитаты как юридическое обоснование права собственности¹⁹.

Даты и периодизация

Более сложным историографическим вопросом является выбор даты начала конфликта, определение основных его поворотных пунктов и периодизация. Кто-то склонен начинать с библейских корней конфликта (сыновья Авраама Исаак и Измаил как прародители современных израильтян и арабов); такой подход отражает убежденность в том, что мы имеем дело с непреходящим, извечным столкновением, наделенным сверхъестественным подтекстом. Я же решил начать рассмотрение этого спора в его развитии с первых иммигрантов-сионистов Нового времени и с поселений, основанных в османской Палестине в 1882 г., что отражает совершенно иную точку зрения, согласно которой конфликт стал результатом действия политических, экономических и социальных сил, проявившихся в определенном месте и в определенное время в истории человечества. Хотя некоторые критики утверждают, что выбор 1882 г. в качестве отправной точки конфликта излишне подчеркивает антагонизм сторон, игнорируя предшествующие столетия еврейско-мусульманского и арабо-еврейского добрососедства и сотрудничества²⁰, большинство историков конфликта придерживаются именно этих временных рамок. Соответственно, вторая часть книги освещает события последних 140 лет.

Текущий конфликт: разрешим или неразрешим?

Другие проблемы возникают по той причине, что мы изучаем и пытаемся понять длительный и все еще не заверченный конфликт – конфликт, который почти ежедневно приводит к новым жертвам и разрушениям, подпитываясь и подпитывая целые поколения горечью, ненавистью и жадной мести, истоки которых уходят вглубь веков. В силу этого анализ исторических корней и закономерностей этого конфликта представляет не просто теоретический или академический интерес. То, как мы подходим к прошлому и анализируем его, часто определяется – сознательно или бессознательно – событиями, которые продолжают происходить в Израиле, Палестине и на Ближнем Востоке, когда конфликт тлеет или вспыхивает с новой силой. И то, как мы представляем себе прошлое, может повлиять на наш подход к сиюминутным вопросам, которые ставит перед нами неразрешенный конфликт. Этот случай наглядно иллюстрирует сентенцию «Вся история – это история современности».

Практически невозможно ответить и на еще один максимально общий вопрос: в какой степени неразрешим арабо-израильский конфликт – конфликт, который в принципе не может быть разрешен?²¹ У читателей будет возможность составить на этот счет собственное, основанное на фактах мнение. Вопреки расхожему представлению, будто все конфликты в конце концов так или иначе разрешимы, некоторые ведущие деятели с обеих сторон изображали совре-

¹⁹ Книга Иисуса Навина (1:3–4): «Всякое место, на которое ступят стопы ног ваших, Я даю вам, как Я сказал Моисею». Перевод по Танаху см. в: *A New Translation of the Holy Scriptures according to the Traditional Hebrew Text*, 337. Philadelphia, PA: Jewish Publication Society, (1985). См. также Числа (34:1–12). Типичные опасения арабов см. в: «From the Nile to the Euphrates», *The Facts about the Palestine Problem*, Beirut: Arab Women's Information Committee, May 1968.

²⁰ Например: Kark, R., *Shared Histories*, 13–22; Kaufman, E. & Hassassian, M. (2008). Understanding our Israeli/Palestinian conflict and searching for its resolution. In: *Regional and Ethnic Conflicts: Perspectives from the Front Lines* (ed. J. Carter, G. E. Irani & V. D. Volkan), 87–129. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall; Klein, M. (2014). *Lives in Common: Arabs and Jews in Jerusalem, Jaffa and Hebron*. Oxford University Press. О «золотом веке» гармонии между евреями и арабами (или между евреями и мусульманами) см. в: Goitein, S.D. (1974). *Jews and Arabs: Their Contacts through the Ages*, 3e. New York: Schocken; Patai, R. (1976). *The Seed of Abraham: Jews and Arabs in Contact and Conflict*. Salt Lake City: University of Utah Press.

²¹ Crocker, C.A., Hampson, F.O. & Aall, P. (ed.) (2005). *Grasping the Nettle: Analyzing Cases of Intractable Conflict*, 343–372. Washington, DC: United States Institute of Peace Press (эссе Стивена Коэна и Шиблы Телхами).

менный им конфликт как неразрешимый по самой своей сути. В ожидании окончательного вердикта Парижской мирной конференции 1919 г. по ближневосточному вопросу Давид Бен-Гурион, лидер еврейского лейбористского движения в Палестине и будущий премьер-министр Израиля, призывал остальных делегатов совета *мишва* (еврейской общины Палестины) без иллюзий смотреть на проблему отношений с живущими по соседству арабами:

Все осознают, что вопрос отношений между арабами и евреями непростой. Но не все понимают, что у этого вопроса нет решения. Нет решения! Это пропасть, и ничто не может ее заполнить. Разрешить конфликт интересов евреев и арабов можно разве что при помощи софистики. Я не знаю, какой араб согласится с тем, что Палестина должна принадлежать евреям – даже если евреи выучат арабский язык [как советовал в ходе дебатов один из сторонников еврейско-арабского сближения]. И мы должны признать это положение дел... а не пытаться придумывать «пути решения»... Мы, как нация, хотим, чтобы эта страна была *нашей*; арабы, как нация, хотят, чтобы эта страна принадлежала *им*. Решение вверили мирной конференции²².

Почти зеркальную точку зрения высказал в начале 1932 г. Авни Абд аль-Хади, палестинский юрист, лидер панарабской Партии независимости, а в прошлом – секретарь Фейсала ибн Хусейна (впоследствии короля Ирака Фейсала I) на Парижской мирной конференции 1919 г. В частной беседе с доктором Хаимом Арлозоровым, главой политического отдела Еврейского агентства в Иерусалиме, аль-Хади отрицательно отреагировал на намеки о возможности заключения соглашения между арабами и сионистами, предположительно заявив при этом, что

некоторое время назад он пришел к однозначному выводу: в переговорах и попытках достичь взаимопонимания нет никакого смысла. Цель евреев – править страной, а цель арабов – бороться против их господства. Он прекрасно понимает сионистов и уважает их, но их интересы в корне противоречат интересам арабов; и никакой возможности договориться он не видит²³.

В нашем анализе важно признавать и учитывать существование таких прямолинейных, пессимистических и искренних взглядов, высказанных лидерами противоборствующих сторон. Это, в частности, необходимо для того, чтобы избегать опасности выдавать желаемое за действительное в отношении возможного решения этого конфликта. В заключительной главе мы снова вернемся к вопросу, существует ли у него решение.

Разрешение конфликта или управление конфликтом?

Арабо-израильский конфликт, который уже более ста лет сопротивляется всем попыткам урегулирования, ставит под сомнение состоятельность оптимистической посылки, будто все конфликты в конце концов так или иначе разрешаются. Как станет ясно из хронологического обзора, которому посвящена вторая часть книги, и израильтяне, и палестинцы определили свои национальные цели и сформировали убеждения, которые в сопоставлении кажутся несовместимыми даже в своем самом умеренном виде. До сих пор было лишь несколько редких моментов – «окон возможностей», – когда ради достижения компромиссного соглашения стороны, казалось, были одновременно готовы и способны хотя бы частично уступить требова-

²² Выступление перед Ваад Змани [Временный совет евреев Палестины/Эрец-Исраэль], 10 июня 1919 г. Центральный сионистский архив, Иерусалим [CZA], J1/8777, с иврита на английский переведено автором. Ср.: Caplan, N. (2015). *Futile Diplomacy, vol. I: Early Arab-Zionist Negotiation Attempts, 1913–1931*, 7. London: [Frank Cass, 1983] Routledge RLE.

²³ Моше Черток (позже Шарет), отчет о беседе Хаима Арлозорова с Авни Абд аль-Хади, 12 февраля 1932 г., CZA, S25/3051, с иврита на английский переведено автором. Caplan, N. *Futile Diplomacy*, vol. I, 7–8.

ниям друг друга. Но в целом они, похоже, настроены терпеть тяготы будущих войн и дальнейшего кровопролития в надежде, что однажды одержат окончательную победу на своих условиях.

Сказанное заставляет нас учитывать возможность того, что этот конфликт может никогда не разрешиться в общепринятой форме согласованного на международном уровне договора или компромиссной формулы, которая раз и навсегда урегулирует все сохраняющиеся претензии и недовольства. Мы, скорее, имеем здесь дело с конфликтом, которым можно лишь управлять или, в лучшем случае, ограничивать его, удерживая этот неразрешенный спор на низком уровне интенсивности. Такое представление опирается на фундаментальное различие, которое в сфере международных отношений проводят между *разрешением* конфликта и *управлением* конфликтом²⁴.

В какой-то момент читатели этой книги могут поймать себя на мысли, что в смущении колеблются между (а) естественной склонностью надеяться и думать, что этому конфликту однажды будет положен конец, что он будет *разрешен*, и (б) более реалистичной оценкой, что им можно лишь (в лучшем случае) *управлять* – то есть не давать ему вспыхивать в самых жестоких и разрушительных формах²⁵. Эта неопределенность, мучительная в своей неоднозначности, не удовлетворяющая ни интеллектуально, ни эмоционально, является, как мне кажется, и точным отражением реальности, и неотъемлемой частью любых попыток понять историю и будущее этого конфликта.

«Другой» арабо-израильский конфликт

Задача дать определение конфликту дополнительно усложняется тем фактом, что на локальный арабо-израильский конфликт в Израиле, Палестине и сопредельных территориях накладываются еще и дополнительные слои. Поскольку каждая из сторон уже давно ведет борьбу с целью завоевать симпатии за пределами региона, их противостояние приобрело специфические черты, что проявляется в виде лоббирования политиков в мировых столицах и напряженной борьбы за благоприятное освещение в СМИ. Американский политолог Стивен Спигел назвал свое фундаментальное исследование лоббирования обеими сторонами президентов США и членов американского конгресса «Другой арабо-израильский конфликт» (The Other Arab-Israeli Conflict)²⁶. Лига Наций и ее преемница Организация Объединенных Наций, а также их разнообразные органы и агентства точно так же не раз служили дополнительным полем боя, где сталкивались претензии и встречные претензии сионистов, арабов, израильтян, палестинцев и их сетей поддержки по всему миру²⁷.

Еще одна арена, на которой разворачивается арабо-израильский конфликт, – это зал суда, как метафорический, так и реальный. Как мы увидим, когда будем изучать некоторые из основ-

²⁴ См., например: Bar-Siman-Tov, Y. (ed.) (2007). *The Israel-Palestinian Conflict: From Conflict Resolution to Conflict Management*. New York: Palgrave Macmillan.

²⁵ Проницательное изложение этого аргумента с израильской точки зрения см. в: Susser, A. (2012). *Israel, Jordan, and Palestine: The Two-State Imperative*, 217–223. Waltham, MA: Brandeis University Press.

²⁶ Spiegel, S.L. (1985). *The Other Arab-Israeli Conflict: Making America's Middle East Policy from Truman to Reagan*. Chicago: University of Chicago Press. Ср. Mearsheimer, J.J. & Walt, S.M. (2007). *The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy*. New York: Farrar, Straus & Giroux; Ross, D. (2015). *Doomed to Succeed: The U. S.-Israel Relationship from Truman to Obama*. New York: Farrar, Straus & Giroux.

²⁷ Например: Kattan, V. (2009). *From Coexistence to Conquest: International Law and the Origins of the Arab-Israeli Conflict, 1891–1949*. London: Pluto Press; Quigley, J. (2016). *The International Diplomacy of Israel's Founders: Deception at the United Nations in the Quest for Palestine*. New York: Cambridge University Press; United Nations. *The Question of Palestine*, <https://www.un.org/unispal/> (дата обращения 17 июня 2018 г.); Israel Ministry of Foreign Affairs: *International Organizations*, <http://mfa.gov.il/MFA/InternatlOrgs/Pages/default.aspx> (дата обращения 17 июня 2018 г.); UN Watch: *Monitoring the UN, Promoting Human Rights*, <https://www.unwatch.org/en/> (дата обращения 17 июня 2018 г.).

ных противоречий, специалисты по международному праву и эксперты по правам человека выступают с обвинениями или в защиту той или иной стороны в книгах, лекционных залах, СМИ, фильмах и реальных судах. Такая активность породила новую форму конфликта, известную как *lawfare* («правовые действия», по аналогии с *warfare*, «боевые действия») – использование права и судов (как внутренних, так и международных) в качестве альтернативы другим способам достижения политических или иных не чисто правовых целей²⁸.

В главах 12 и 13 мы подробнее изучим, как реальный конфликт отражается еще в одной сфере, академической – отражается прежде всего, но не только, в деятельности историков, которые порой оказывают своим студентам и читателям дурную услугу. Рассматривая конфликт через любую из этих внешних, наложенных друг на друга призм, мы рискуем получить искаженный образ, а не точное отражение реального конфликта.

Поддержка и осуждение

И последний фактор, который усложняет все попытки дать определение арабо-израильскому и израильско-палестинскому конфликтам, – это широко распространенная среди авторов и наблюдателей тенденция возлагать вину на одну из сторон и отстаивать интересы другой. При обсуждении того, с чего конфликт начался и почему он продолжается, трудно удержаться от осуждения участников, на которых возлагается ответственность за прошлые ошибки, породившие или усугубившие конфликт, и от критики тех, кто своим поведением и/или политикой, как представляется, преграждает путь к разрешению конфликта или к мирному сосуществованию.

Аналитику почти невозможно рассматривать события или проблемы этого конфликта абсолютно нейтрально, не поддаваясь влиянию своего представления о справедливости или своего стремления отыскать истину. И палестинцы, и израильтяне часто формулируют претензии и требования в терминах собственных представлений о справедливости и правде – и неуважения к ним другой стороны. На страницах этой книги я попытаюсь отразить взгляды сторон, не примыкая ни к одной из них и не возлагая на одну из них какую-то особенную вину. К вопросу поддержки я еще раз кратко вернусь в конце главы 2, а более подробно – в главах 12 и 13, где мы обратим свой взор на специалистов и их способы представления конфликта.

Эта книга встает в ряд других, которые и раньше пытались дать ответ на обманчиво простой вопрос: в чем *на самом деле* суть арабо-израильского конфликта? Отчасти из-за длительности и сложности конфликта, его составные элементы «непостоянны и не поддаются простому определению», как заметил Хаим Шакед, когда несколько десятилетий назад попытался перечислить основные характеристики этого конфликта²⁹. Люди, поддерживающие ту или иную сторону, дают диаметрально противоположные ответы на этот основополагающий вопрос.

Но как беспристрастному исследователю или наблюдателю разобраться в том, что одни называют истиной, а другие пропагандой, в претензиях и встречных претензиях противостоящих сторон, в конкурирующих нарративах израильских евреев и палестинских арабов? Именно с такими вызовами и трудностями сталкиваются люди, изучающие этот конфликт. В главе 2 я попытаюсь наметить несколько подходов, полезных для того, чтобы дать этому конфликту определение и понять некоторые его отличительные черты.

²⁸ Herzberg, A. (2010). *NGO "Lawfare": Exploitation of Courts in the Arab-Israeli Conflict*, 2e. Jerusalem: NGO Monitor, <https://www.ngo-monitor.org/data/images/File/lawfare-monograph.pdf> (дата обращения 28 апреля 2018 г.); Susser, *Israel, Jordan, and Palestine*, 215, 222. См. также сайт израильского проекта Lawfare Project: <https://thelawfareproject.org/> (не путать с блогом с похожим названием Lawfare Blog <https://lawfareblog.com/about-lawfare-brief-history-term-and-site>, который посвящен более широкому кругу вопросов).

²⁹ Shaked, H. (1991). Continuity and change: an overview. In: *The Arab-Israeli Conflict: Perspectives*, 2e (ed. Z. Alvin), 197. Rubinstein, NY: Harper Collins. Первое издание вышло в издательстве Praeger в 1984 г.

Глава 2

И тем не менее определение конфликта

Стороны конфликта – кто они?

Один из способов очертить израильско-палестинский конфликт – поставить два параллельных, эмоционально нагруженных вопроса о его противоборствующих сторонах. 1. Являются ли евреи народом (нацией), имеющим право претендовать на национальное государство на территории, которую они называют Эрец-Исраэль (Земля Израиля), – или же это неполитическое, общемировое религиозное движение, не имеющее конкретных территориальных прав, претензий или устремлений? 2. Являются ли палестинцы народом с собственными национальными и политическими правами и устремлениями, или же они – часть арабского народа, которая не имеет законного права претендовать на отдельную государственность именно в Палестине?

Давайте начнем эту главу с того, что попытаемся дать определение терминам «еврей», «сионист», «израильтянин», «араб», «палестинец» и «мусульманин» и поместить их в контекст. Несмотря на то что любой группе принято позволять определять себя самостоятельно, другие люди – как внутри, так и вне определяемой группы – могут не соглашаться с таким определением и обычно так и поступают. В современных арабо-израильских и израильско-палестинских раздорах каждая из сторон и в самом деле находит причины не соглашаться с самоопределением другой, что придает важные особенности запутанной природе их конфликта.

Евреев можно определить как народ, состоящий из множества этнических, культурных и языковых групп, которые черпают общую идентичность

(а) из иудаизма – монотеистической религии, возводящей свое происхождение к библейской земле Израиля (которая, что мало кем оспаривается, географически соответствует современному государству Израиль и территориям под управлением Палестинской национальной администрации);

(б) биологического происхождения, то есть рождения от матери-еврейки;

(в) и/или сплывающего социокультурного чувства общности исторических корней, традиций, обычаев, наследия и будущего.

Учитывая такую многокомпонентность, неудивительно, что никто, даже израильский Кнессет (парламент), не смог выработать общепринятого простого определения, кто является евреем. В конце 2016 г. в мире насчитывалось около 14,5 млн евреев, из которых 6,5 млн жили в Израиле, 5,7 млн – в США и чуть более 1 млн – в Европе³⁰.

Начиная с конца XIX в. все большее число евреев предпочитали определять себя как народ, чья идентичность – вдобавок к традиционным и личным духовным связям, а также чувству принадлежности к международному религиозному сообществу – включает в себя *национально-политический* и *территориальный* аспекты. Эти евреи стали участниками или сторонниками движения, известного как сионизм. Есть, конечно, евреи не сионисты и антисионисты, которые отвергают такое коллективное определение и считают себя частью исключительно религиозной группы. Однако число евреев не сионистов и антисионистов постепенно сократилось, особенно после прихода к власти Адольфа Гитлера в 1930-е гг.

³⁰ Statistical Abstract of Israel (2017). Central Bureau of Statistics, Israel. Данные с сайта: http://www.cbs.gov.il/reader/shnatonenew_site.htm (дата обращения 30 мая 2018 г.), таблицы 2.1, 2.11.

Мусульмане, арабы и палестинцы, оглядываясь на долгие века гармоничного сосуществования с живущими среди них евреями, могут сказать, что евреи всегда были – и по-прежнему должны считаться – прежде всего религиозной группой, у которой не может быть политических целей и требований. В статье 20 Национальной хартии Организации освобождения Палестины официально декларируется:

Претензии на исторические или религиозные связи евреев с Палестиной несовместимы с фактами истории и истинным пониманием того, что представляет собой государственность. Иудаизм – религия, а не независимая национальность. Не составляют евреи и единой нации со своей собственной индивидуальностью, так как они – граждане государств, которым принадлежат³¹.

Но подобные декларации или навязанные извне определения не могут отменить того факта – каким бы щекотливым и неудобным он ни был, – что многие евреи, как внутри, так и за пределами современного государства Израиль, действительно считают себя частью нации или народа, чье сердце (если не тело) в территориальном смысле принадлежит Эрец-Исраэль, Земле Израйля.

Мы используем термин «сионисты» для обозначения людей (в основном, но не только, евреев), которые поддерживают стремление евреев «вернуться в Сион» оттуда, где они оказались в рассеянии после римского завоевания Палестины. Это стремление, дремавшее веками, но поддерживаемое религиозными ритуалами, в середине и конце XIX в. начало находить свое политическое выражение. В последующие пять десятилетий объединенное сионистское движение использовало организационные структуры Всемирной сионистской организации (и ее дочерней организации, Еврейского агентства в Палестине) для продвижения идеи «собираания изгнанных», то есть миграции евреев в Палестину/Эрец-Исраэль. Эта миграция была частью масштабных усилий по построению инфраструктуры будущего «национального дома» на территории, которой в 1917 г. вместо турок-османов начали управлять британцы и которая подлежала разделу в соответствии с резолюцией ООН от 1947 г. Когда в середине мая 1948 г. британцы ушли из Палестины, вспыхнула война, в огне которой родилось государство Израиль, воплощение идей сионизма; в мае 1949 г. оно было принято в ООН. Граждане этого нового государства стали называться израильтянами – не путать с упоминаемыми в Библии израэлитями, или «детьми Израйля». К концу 2016 г. в Израиле проживало чуть более 8,6 млн человек, из которых 6,4 млн – евреи, а 1,8 млн – палестинские или арабские граждане государства Израиль.

Кто же такие арабы? Как уже говорилось в главе 1, арабов можно определить как этнонациональную группу с общими культурными и языковыми корнями, восходящими к древним племенам Аравийского полуострова (территория современных Саудовской Аравии, Йемена и стран Персидского залива). Сегодня в 22 странах Ближнего Востока и Северной Африки проживает более 420 млн арабов. Четыре из этих государств – Ливан, Сирия, Иордания и Египет – имеют с Израилем общую границу, поэтому их иногда называют «противостоящими государствами» в этом конфликте.

Отдельно от этих независимых арабских стран существует еще *палестинский* арабский народ, который (пока) не контролирует никакого международно признанного государства – хотя Палестина и является полноправным членом Лиги арабских государств. В 2016–2017 гг. по всему региону проживало более 9 млн палестинцев, в том числе:

(а) 1,9 млн в Газе (из них 1,3 млн официально зарегистрированы как беженцы);

³¹ Палестинская хартия: резолюция Палестинского национального совета, 1–17 июля 1968 г. Размещено на сайте: <https://naip-documents.blogspot.com/2009/09/document-20.html>.

(б) 2,9 млн на Западном берегу реки Иордан (из них 801 000 официально зарегистрированы как беженцы).

Вместе эти две группы составляют население Палестинской автономии, или Палестинской национальной администрации (ПНА), все еще не завершившей перехода от статуса оккупированных Израилем территорий к статусу международно признанного независимого государства, хотя на официальном сайте и в официальных публикациях она обозначена теперь как «Государство Палестина». Кроме того, к палестинцам относятся:

(а) 3 152 000 беженцев, зарегистрированных Ближневосточным агентством ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) и проживающих в 31 лагере в Ливане (450 000), Сирии (527 000) и Иордании (2,2 млн), а также рассеянных по городам Ближнего Востока;

(б) 1,8 млн арабских граждан государства Израиль, потомков тех палестинцев, которые остались на территориях, ставших в 1948 г. еврейским государством³².

Как и в случае с арабскими возражениями против национального переопределения термина «еврей», никакие аргументы, исходящие от людей за пределами Палестины и арабского мира, не могут изменить того факта – каким бы щекотливым и неудобным он ни был, – что с момента упадка Османской империи в начале XX в. все большее число арабоязычных жителей Ближнего Востока прилагали политические усилия к созданию независимого арабского государства или конфедерации государств в регионе. Тот факт, что это представление о единстве так и не воплотилось в реальность, несмотря на столетие периодических попыток, стал источником большого разочарования для всех, кто лелеял эту панарабскую национальную мечту.

То же самое относится и к людям, которые называют себя палестинцами. Как мы увидим в главе 4, арабы, проживавшие на территориях британской подмандатной Палестины, рано начали отождествлять себя с местными лидерами и создавать собственные националистические организации, чьей непосредственной целью было сопротивление сионизму и образование независимого арабского государства. Большинство палестинцев, проживавших на этой территории, считали себя находящейся в опасности общиной, правам и статусу которой угрожает приток еврейских иммигрантов, чья численность и растущая экономическая инфраструктура, по их убеждению, должны были привести к тому, что страна окажется под властью евреев или сионистов. Никакие сомнения в искренности опасений палестинцев или в их самоидентификации как народа, не желающего иметь ничего общего с британской политикой «еврейского национального дома» (см. главу 4), не могут опровергнуть этих фактов.

Наконец, важно осознавать, что для многих принадлежность к арабам или евреям имеет и религиозное измерение. С пришествия пророка Мухаммеда, появления исламской религиозной общины (*уммы*) в VII в. н. э. и последующего распространения ислама по миру большинство арабов одновременно являются практикующими *мусульманами*. В Ливане, Египте, Сирии, Ираке и Иордании издавна существуют христианские общины, но исламская история, культура, ценности и идентичность стали неотъемлемым компонентом принадлежности к арабам и жизни в арабских обществах. Мусульманское население Земли выходит далеко за пределы арабского мира и превышает по численности 1,8 млрд человек.

Тот факт, что основные стороны конфликта одновременно являются мусульманами, христианами или иудеями, дополнительно усложняет процесс их определения. Несмотря на то что разная доля всех этих обществ секуляризировалась, значительное число людей по-прежнему идентифицируют себя прежде всего со своей религиозной верой и общиной. То, что мы считаем арабо-израильским или израильско-палестинским конфликтом, в их сознании есть лишь

³² Preliminary Results of the Population, Housing and Establishments Census, February 2018, p. 10 (дата обращения 30 мая 2018 г.), <http://www.pcbs.gov.ps/Downloads/book2364-1.pdf>; веб-сайт БАПОР по состоянию на 30 мая 2018 г., <https://www.unrwa.org/palestine-refugees> и <https://www.unrwa.org/where-we-work/gaza-strip>.

часть более масштабного столкновения религий и цивилизаций. Фундаменталисты – будь то христиане, мусульмане или иудеи – одинаково склонны рассматривать национальную или территориальную борьбу за суверенитет или господство над *Святой землей* как часть более глубокой и масштабной войны между «богоизбранным» народом (как бы он ни определялся) и истинно верующими с одной стороны и народом, «презираемым» Богом (как бы этот народ ни определялся), неверующими и безбожниками – с другой.

Это религиозное измерение соперничества за землю Палестины/Израиля время от времени выходит на первый план, когда насилие совершается ради защиты святых мест от предполагаемой угрозы, как это произошло в 1928–1929 гг. (см. главу 4). Соперничающие мифологические и религиозные ассоциации со святым городом Иерусалимом также оказались важны в 2000 г., когда из-за них сорвались израильско-палестинские переговоры и произошла вспышка насилия, получившая название «Интифада Аль-Аксы» в честь священной мечети Аль-Акса (см. главу 11). Этот аспект конфликта способен разжечь страсти в любой момент, и большая часть его участников осознает опасности (и возможности), возникающие при воспламенении глубоких религиозных чувств.

Но даже если не придерживаться такого апокалиптического взгляда на конфликт, с внесением религиозного измерения в то, что на этих страницах рассматривается в основном как столкновение двух соперничающих национальных движений и общин, связаны и другие важные последствия. Наличие религиозного аспекта отягощает и ожесточает и без того непростой спор, добавляя к нему мотив праведности вместе с уверенностью в окончательной победе над врагом. Выражаясь напрямую, такие потусторонние обертоны только затягивают конфликт и делают его еще более неразрешимым, поскольку еще сильнее дегуманизируют и делегитимизируют противника, обнадеживая тех, кто упорно отказывается даже думать о компромиссе, и обещая награду всем, кто готов совершать акты насилия и мести, исполняя «божественные» предписания. Действительно, как мы видим в последние годы, из горнила национализма и религиозности непрерывно выходят убежденные идеалисты, готовые мстить врагу (а порой и мученически погибнуть) по наущению фанатиков-проповедников и вопреки многим заповедям ненасилия, которые содержатся в общепринятых версиях их религий³³.

Каковы важнейшие предметы разногласия между сторонами конфликта?

Здесь полезно провести различие между материальными и нематериальными предметами разногласия. Говоря о первых, мы имеем в виду конкретные, четко определяемые активы, за обладание которыми сражаются стороны. К нематериальным, напротив, относятся психологические и экзистенциальные вопросы, отраженные в зачастую противоречащих друг другу исторических нарративах каждой из сторон.

Список материальных предметов разногласия между арабами/палестинцами и сионистами/израильтянами будет подробно рассмотрен в историческом контексте во второй части этой книги. Для целей введения давайте разобьем их на три группы: (1) суверенитет над территорией, (2) демография, скупка земельных участков и миграция и (3) границы.

³³ Wasserstein, B. (2008). *Israelis and Palestinians: Why Do They Fight? Can They Stop?*, 3-e, 165–169. New Haven, CT / London: Yale University Press/London: Profile Books; Eisen, R. (2011). *The Peace and Violence of Judaism: From the Bible to Modern Zionism*. Oxford/New York: Oxford University Press; Hussain, J. (2011). *Islam: Its Law and Society*, 3-e. Annandale, NSW: Federation Press, ch. 4.

1. Суверенитет над территорией

Обе стороны претендуют на изначальное право собственности на одну и ту же территорию, на право жить там, осуществляя государственный суверенитет (национальное самоопределение). Фактические границы спорной территории (см. также подраздел «»³⁴) несколько размыты. В X и VIII вв. до н. э. здесь существовало несколько израэлитских царств, но позже эта территория веками находилась под властью разных империй³⁵. Четко определенного политического образования под названием Палестина до начала XX в. просто не было. «До прихода британцев в конце Первой мировой войны Палестины не существовало даже как административной единицы»³⁶. За неимением лучшего Организация освобождения Палестины официально определяет Палестину как территорию в границах, установленных британским мандатом с 1922 г.³⁷ Религиозные сионисты прочерчивают границы Эрец-Исраэль в соответствии с библейскими текстами (см. главу 1), а Сионистская организация в 1919 г. представила карту с проектом создания в Палестине еврейского национального дома, границы которого уходили бы далеко на север и восток за пределы территорий, которые Британия в конечном итоге выделила для проекта национального дома еврейского народа³⁸. Несмотря на такую неопределенность, после 1920 г. и палестинские арабы, и сионисты начали претендовать на суверенитет над практически одной и той же территорией к западу от реки Иордан – территорией, которая с 1922 по 1948 г. находилась под управлением Великобритании (см. [карту 2.1](#)).

Помимо неясности относительно точных границ один из наиболее острых вопросов между сторонами звучит как «Чья это земля (обетованная)?» – и этот спор неизбежно возвращает нас в древнюю историю. В главе 3 я предложу этот вопрос в качестве первого из одиннадцати основных противоречий, которые в совокупности формируют несовпадающие исторические нарративы арабов, палестинцев, евреев и израильтян. С ним тесно связан вопрос «Чья это земля (фактически)?». Если судить по непрерывности проживания и статусу большинства, то в 1880-х гг., когда сюда прибыли первые группы сионистских первопроходцев и поселенцев, коренным населением Палестины в подавляющем большинстве были мусульмане и христиане. На картах того времени спорная территория обозначалась как районы, принадлежащие Османской империи³⁹. Ничего не поменялось и в 1917 г., когда сюда пришли британцы, немедленно обнародовавшие декларацию Бальфура с обещанием помочь «созданию в Палестине национального очага для еврейского народа». Такое нововведение неизбежно должно было повлечь за собой предоставление особых привилегий меньшинству населения страны, что сделало декларацию Бальфура во многих отношениях исторической и посеяло семена будущего конфликта (см. главу 4).

³⁴ 3. Границы

³⁵ См.: “Maps of the Changing Boundaries of ‘Historic’ Palestine”, Lassner, J. & Troen, S.I. (2007). *Jews and Muslims in the Arab World: Haunted By Pasts, Real and Imagined*, 353–366. Lanham/Boulder: Rowman and Littlefield.

³⁶ Wasserstein, B. *Israelis and Palestinians*, 99.

³⁷ Статья 2 Палестинской хартии. Размещено на сайте: <https://naipdocuments.blogspot.com/2009/09/document-20.html>. Ср. Wasserstein, B. *Israelis and Palestinians*, 123.

³⁸ Zionist Plan for Palestine, February 1919, Gilbert, M. (2012). *The Routledge Atlas of the Arab-Israeli Conflict*, 10–е, 9. London/New York: Routledge; ср. Wasserstein, B. *Israelis and Palestinians*, 103–104; Tessler, M. (2009). *A History of the Israeli-Palestinian Conflict*, 2–е, 163. Bloomington/Indianapolis: Indiana University Press.

³⁹ Карты административного деления Османской империи см. в: Gilbert, M. *Routledge Atlas*, 4–5; Tessler, M. *A History of the Israeli-Palestinian Conflict*, 161.

Карта 2.1. Подмандатная Палестина, 1923 г.

Когда британцы тридцатью годами позднее объявили о своем намерении отказаться от мандата, новорожденная Организация Объединенных Наций приняла доклад Специального комитета по Палестине (UNSCOP) о разделе страны на арабское и еврейское государства с международным анклавом вокруг Иерусалима. Палестинские арабы и лидеры арабских государств отвергли этот план не только потому, что их не устраивали границы, предложенные для будущего арабского государства, но также и потому, что они не признавали полномочий ООН принять решение, которое шло вразрез с желаниями большинства населения страны. В 1947 г. начался вооруженный конфликт, переросший в войну, по окончании которой в 1949 г. на карте появилось независимое государство Израиль; оставшиеся части бывшей подмандатной Палестины были аннексированы Трансиорданией (Западный берег) или отданы под управление Египта (сектор Газа) (см. [карту 6.2](#)).

Если говорить о двух народах, претендующих на право национального самоопределения на одной и той же территории, то мы видим, что к 1949 г. один из этих народов (с тех пор называемый израильтянами) достиг своей цели и основал национальное государство. Вопрос, который остается нерешенным и сегодня: добьется ли другой народ, палестинцы, суверенитета над выделенными ему частями территории (или над всей этой территорией), которую они считают своей законной родиной.

2. Демография, скупка земельных участков и миграция⁴⁰

Демография, скупка земельных участков⁴¹ и миграция неразрывно связаны тут между собой. Территориальный суверенитет и установление границ между современными национальными государствами основываются на принципе уважения воли большинства национальных, этнических, языковых и/или религиозных групп, которые населяют ту или иную территорию. В случае тех провинций Османской империи, которые впоследствии стали британской подмандатной Палестиной, на протяжении большей части недавней истории – вплоть до 1948 г. – на этой территории безусловно преобладало арабо-мусульманское большинство.

Еврейская иммиграция, скупка земельных участков и основание поселений были сутью деятельности «практического сионизма», который стремился изменить фактическое положение дел, создав критическую массу еврейского населения, обрабатывающего свою землю, как условие для образования еврейского государства на территориях, определяемых присутствием евреев и плотностью их расселения. Теоретически формирование еврейского большинства путем постепенной, но стабильной миграции (на иврите она известна как *алия* – слово, в котором есть оттенок значения «подъема» или «восхождения») и скупка земельных участков должны были привести к возникновению радикально новых демографических, социальных, экономических и территориальных условий на местах – предпосылок к созданию еврейского государства.

Поначалу мало кто из сионистов или британских наблюдателей предвидел непреодолимые трудности, связанные с возможными возражениями палестинских арабов, которые, согласно этому плану, должны были превратиться из большинства в меньшинство населения по мере того, как страна будет продвигаться к моменту, когда в ней станут преобладать евреи. На Версальской мирной конференции в феврале 1919 г. доктор Хаим Вейцман говорил госсекретарю США, что сионисты хотят создать в Палестине органы управления, «которые вырастали бы из естественных условий страны – всегда защищая при этом интересы нееврейского

⁴⁰ Глубокий анализ демографических аспектов конфликта см. в: Wasserstein, B. *Israelis and Palestinians*, ch. 1. См., например: Stein, K.W. (1984). *The Land Question in Palestine, 1917–1939*. Chapel Hill: University of North Carolina Press; Wasserstein, B. *Israelis and Palestinians*, ch. 2.

⁴¹ Stein, K. W. *The Land Question in Palestine, 1917–1939*. Wasserstein, B. *Israelis and Palestinians*, ch. 2.

населения, – в надежде, что благодаря еврейской иммиграции Палестина в конце концов станет такой же еврейской, как Англия – английская»⁴².

Приток еврейских иммигрантов в Палестину в одни годы был небольшим, в другие – более значительным (см. таблицу 2.1). После того как в 1933, 1934 и 1935 гг. резко выросла иммиграция из Германии, палестинцы стали опасаться, что скоро наступит день, когда недавно прибывшие евреи превзойдут их по численности. И хотя сионисты действительно ставили перед собой такую цель, интересно отметить, что примерно в это же время лишь немногие из идеологов сионизма сомневались в жизнеспособности плана постепенного и мирного увеличения численности еврейского населения за счет иммиграции в Палестину. Один из них, лидер сионистов-лейбористов доктор Хаим Арлосоров, пессимистично заключал, что цель превратить арабское большинство в меньшинство может оказаться вообще недостижимой постепенными методами без применения силы⁴³. В 1930-е гг. еще несколько человек неохотно пришли к выводу, что мечта сионистов о создании еврейского государства в регионе может оказаться неосуществимой; эти деятели искали решения в таких формулах, как двунациональное государство, кантонизация или федеративное устройство⁴⁴.

⁴² Weizmann, C., (1949) *Trial and Error: The Autobiography of Chaim Weizmann*. London: Hamish Hamilton, 305.

⁴³ Арлосоров – Вейцману, 30 июня 1932 г. Weizmann Archives (Rehovot, Israel). См. также: *From Haven to Conquest: Readings in Zionism and the Palestine Problem until 1948* (ed. and introduced by Walid Khalidi), 245–254. Beirut, 1971; 2e, Washington, DC: Institute for Palestine Studies, 1987; Caplan, N. (1988). Zionist visions in the early 1930s. In: *Studies in Contemporary Jewry: An Annual*, vol. IV (ed. J. Frankel), 256–259. Oxford: Oxford University Press; Avineri, S. (1985). The Socialist Zionism of Chaim Arlosoroff. *Jerusalem Quarterly* 34: 84–87.

⁴⁴ Caplan, N. Zionist visions; Caplan, N. (2015). *Futile Diplomacy*, vol. II, *Arab-Zionist Negotiations and the End of the Mandate*. London: [Frank Cass 1986] Routledge RLE, ch. 1.

Таблица 2.1. Еврейская иммиграция в Палестину в отдельные годы по данным британской администрации подмандатных террито-

Год	Иммиграция, чел.	Эмиграция, чел.	Чистая миграция, чел.
1922	7844	1503	6341
1924	12 856	2073	10 783
1925	33 801	2151	29 650
1927	2713	5071	-3358
1928	2178	2168	10
1929	5249	1746	3503
1932	9553	Нет данных	
1933	30 327	Нет данных	
1934	42 757	Нет данных	
1935	61 854	396	61 458
1936	29 727	773	28 954
1937	10 536	889	9647
1939	16 405	1019	15 386
1940	4547	Нет данных	
1943	8507	Нет данных	
1944	14 464	Нет данных	
1945	12 751	Нет данных	
1946	7851 ^a	Нет данных	
1947	Нет данных ^a	Нет данных	

рий

Источник: Palestine Blue Book (London: HMSO, annual); Survey of Palestine, I: 185, III: 17. Приведенные цифры относятся к зарегистрированной легальной иммиграции. Британские оценки нелегальной еврейской иммиграции составляют 30 000–40 000 до апреля 1939 г. и еще 30 000–35 000 в период с апреля 1939 г. по декабрь 1946-го.

^a Согласно различным израильским источникам, показатель для 1946 г. равняется 17 760 или 18 760, а для 1947 г. – 21 542 или 22 098.

В таблице 2.2 приведены ежегодные данные о зарегистрированной еврейской иммиграции и ее влиянии на баланс арабского и еврейского населения в период, предшествующий созданию израильского государства. К 1947 г. в стране насчитывалось от 600 000 до 650 000 евреев, что в десять раз превышало численность еврейского населения Палестины в период до начала Первой мировой войны. Теперь ишув составлял критическую массу, которую уже невозможно было игнорировать. Но когда ООН взялась за разработку плана для оспариваемых территорий, арабы, численность которых за те же три десятилетия сильно (хоть и не так резко, как в случае евреев) выросла, удвоившись и достигнув 1,3 млн, по-прежнему составляли большинство в две трети населения. Когда война 1948–1949 гг. завершилась созданием государства Израиль, «демографическая битва» продолжилась в новых формах.

В то время как иммиграция оставалась основной движущей силой увеличения численности еврейского населения, отток во время и после войны резко сократил долю живущих на

оспариваемых территориях палестинцев. Значительное число палестинцев были вытеснены – иногда утверждают, что в результате этнической чистки, – и превратились в беженцев. Вынужденные спасаться бегством, они требовали права вернуться в дома, которые им пришлось покинуть во время боевых действий, или же компенсации – и это требование было поддержано резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 194, принятой в декабре 1948 г.⁴⁵ За прошедшие годы число беженцев, зарегистрированных БАПОР, выросло с 760 000 в 1949 г. до 5 млн в настоящее время. Кроме того, численность незарегистрированных беженцев, по некоторым оценкам, может достигать еще 2,5 млн человек⁴⁶.

Таблица 2.2. Население Палестины, 1930–

Год	Общая численность, включая кочевников, чел.	Арабы ^a , чел.	Евреи, чел.	Еврейская иммиграция, чел.	Еврей %
1930	992 559	818 135	164 796	4944	16,6
1931	1 033 314	848 607	174 606	4075	16,9
1932	1 073 827	871 323	192 137	9553	17,9
1933	1 140 941	895 297	234 967	30327	20,6
1934	1 210 554	916 786	282 975	42359	23,4
1935	1 308 112	941 924	355 157	61 854	27,2
1936	1 366 692	971 236	384 078	29 727	28,1
1937	1 401 794	994 315	395 836	10 536	28,2
1938	1 435 285	1 012 224	411 222	12 868	28,7
1939	1 501 698	1 044 091	445 457	16 405	29,7
1940	1 544 530	1 068 433	463 535	4 547	30,0
1941	1 585 500	1 098 517	474 102	3 647	29,9
1942	1 620 005	1 122 476	484 408	2 194	29,9
1943	1 676 571	1 159 996	502 912	8 507	30,0
1944	1 764 522	1 196 824	553 600	14 464	31,4
1945	1 834 935	1 240 850	579 227	12 751	31,6
1946	1 912 112	1 288 399	608 225	7 851	31,8

1946 гг.

Источник: Tables “Population of Palestine by Religions,” and “Number of Immigrants Annually by Race,” in A Survey of Palestine, prepared in December 1945 and January 1946 for the Information of the Anglo-American Committee of Inquiry, London: HMSO, 1946; reprinted by the

⁴⁵ Статья 11 резолюции № 194 Генассамблеи ООН (III), 11 декабря 1948 г. См.: *United Nations Resolutions on Palestine and the Arab-Israeli Conflict, vol. I: 1947–1974* (rev. ed.) (ed. G. J. Tomeh). Washington, DC: Institute for Palestine Studies, 1988, 16; размещено на сайте <https://naip-documents.blogspot.com/2009/09/document-10.html>.

⁴⁶ <https://www.unrwa.org/palestine-refugees> (дата обращения 30 мая 2018 г.).

Institute for Palestine Studies, 1991, vol. I: 141, 185, and revised (1944–1946) in the Supplement, vol. III: 10–11, 17.

^a Британские данные о численности населения фиксируют «мусульман», «христиан» и «других» – но не «арабов». Приведенные здесь данные по численности «арабов» представляют собой суммированные британские данные по «мусульманам» и «христианам».

Урегулирование проблемы беженцев и удовлетворение их требований (и особенно вопрос о том, сколько из них действительно вернутся в Израиль, сколько – на палестинские территории, а сколько получают компенсацию и оседают где-нибудь еще) являются важным элементом любых потенциальных переговоров по достижению как окончательного соглашения между израильтянами и палестинцами, так и всестороннего урегулирования между Израилем и арабскими государствами, где в лагерях, находящихся в ведении БАПОР, и проживает большая часть палестинских беженцев.

Продолжающемуся росту еврейского населения Израиля способствовали последовательные усилия с целью побудить евреев «совершить алию», то есть покинуть свою диаспору и начать новую жизнь в еврейском государстве. Еврейское население Израиля выросло с чуть более 1 млн человек в 1949 г. до почти 6,5 млн в 2016 г. Внезапная и значительная по объему волна миграции евреев, изгнанных или бежавших из Ирака, Йемена и других арабских стран, за три года, с 1949 по 1951 г., составила более 250 000 человек, внося свой вклад в рост численности еврейского населения Израиля с 760 000 в конце 1948 г. до 1,4 млн в конце 1951 г.⁴⁷

Еще одно демографическое соображение касается арабов-палестинцев, живущих в Израиле. В 1948 г. под властью только что созданного государства Израиль оказалось более чем 160 000 палестинцев, проживавших в его новых границах. По их собственным словам, они стали «меньшинством, живущим на своей исторической родине», в окружении непростой реальности, которая «изолировала [их] от остального палестинского народа и от арабского мира», потому что они «вынуждены были принять израильское гражданство»⁴⁸. Эти палестинские граждане Израиля, которых в Израиле и на Западе в то время называли арабами-израильтянами, с 1948 г. стабильно составляли от 15 до 20% населения страны; к 2016 г. их численность превысила 1,8 млн человек, то есть 21% от общей численности населения, равной 8,6 млн⁴⁹. Отношения между большинством и меньшинством в Израиле всегда были проблематичными, отягощенными неснятыми претензиями и обвинениями в дискриминации и антиарабском расизме. Периодически ситуация доходила до кризисов и столкновений, самые серьезные из которых вспыхнули в октябре 2000 г. во время митингов и беспорядков в знак солидарности с палестинцами по другую сторону «зеленой линии»⁵⁰.

Отношения палестинской общины Израиля с израильтянами-евреями – непростая тема, выходящая за рамки этого исследования, которое будет посвящено в основном палестинцам, живущим *за пределами* государства Израиль. Однако можно отметить, что национальное мень-

⁴⁷ *Statistical Abstract of Israel (2017)*, табл. 2.1 и 2.6, см. в разделе Publications & Products на сайте http://www.cbs.gov.il/reader/cw_usr_view_Folder?ID=141. В результате «ашкеназский» (или европейский) характер еврейского населения Израиля стал менее выраженным, а демографический баланс изменился: если в 1948 г. ашкеназы составляли 75%, то уже в 1961 г. – только 55%, тогда как доля «сефардов» (восточных и средиземноморских евреев) продолжала расти. Описание и анализ проблем и трудностей, с которыми столкнулись в этот период евреи, иммигрировавшие в Израиль из арабских стран, см.: Sachar, H.M. (1976). *A History of Israel: From the Rise of Zionism to Our Time*, 395–409. New York: Alfred A. Knopf; Segev, T. (1986). *1949: The First Israelis* (ed. A. N. Weinstein). New York: Free Press/London: Collier Macmillan, ch. 6 (“Nameless People”).

⁴⁸ The National Committee for the Heads of the Arab Local Authorities in Israel (2006). *The Future Vision of the Palestinian Arabs in Israel*, <http://www.adalah.org/newsletter/eng/dec06/tasawor-mostaqbali.pdf> (дата обращения 3 июля 2018 г.).

⁴⁹ *Statistical Abstract of Israel 2017*, table. 2.1.

⁵⁰ Столкнувшись 2 октября с разгневанными демонстрантами на перекрестке Умм-эль-Фахм, снайперы израильской полиции застрелили 12 протестующих, в том числе 17-летнего члена организации «Семена мира». После этого печального эпизода было начато правительственное расследование под руководством судьи Теодора Ора, выводы которого зафиксировали серьезные проблемы в отношениях между общинами. Официальное резюме отчета комиссии Ора см. на сайте <https://www.seedsofpeace.org/wp-content/uploads/2011/12/Or-Commission-Report-Summation-English.pdf>.

шинство палестинских граждан Израиля самим своим присутствием бросает вызов провозглашаемому еврейскому и демократическому характеру этого государства, становясь серьезным испытанием для обещаний «полного общественного и политического равноправия всех... граждан без различия религии, расы или пола» и «свободы вероисповедания и совести, права пользования родным языком, права образования и культуры», закрепленных в Декларации независимости Израиля⁵¹. Некоторые израильтяне-евреи считают все более требовательное палестинское меньшинство угрозой сионистской сущности своего государства, а зачастую и просто не верят в лояльность сограждан-палестинцев⁵².

Последнее демографическое соображение касается Западного берега (который некоторые израильтяне называют Иудея и Самария) и сектора Газа. После того как в ходе войны в июне 1967 г. Израиль оккупировал эти территории, число палестинских арабов под его властью резко выросло с 1 052 000 человек до 2,9 млн человек к 1997 г. и до почти 4,8 млн к 2017 г. На протяжении долгих десятилетий эти территории не были ни возвращены (полностью или частично) Иордании и Египту, ни переданы под самоуправление палестинцев в рамках мирного договора. Более того, с 1967 г., в нарушение большинства толкований Четвертой Женевской конвенции⁵³ (см. главу 7), сотни тысяч израильских евреев переехали в поселения на землях, завоеванных в ходе июньской войны.

После 1993 г. дислокация израильских войск была изменена, и часть этих территорий вернулась под палестинское самоуправление, однако судьба многих еврейских поселений до сих пор не решена. Летом 2005 г. Израиль эвакуировал 8000–9000 оставшихся еврейских поселенцев из 21 поселения в секторе Газа, и почти 2 млн палестинцев были предоставлены сами себе, хотя они по-прежнему окружены и блокированы Израилем и Египтом. В 2018 г. на Западном берегу проживало около 2,4 млн палестинцев; там же находилось 126 еврейских поселений, население которых в сумме достигало примерно 405 000 человек (более 610 000 с учетом еврейских пригородов Иерусалима, возникших после 1967 г.)⁵⁴.

Меньшая, но все же значительная часть израильтян твердо убеждена, что все земли, занятые в ходе войны 1967 г., должны оставаться в юрисдикции Израиля как по соображениям безопасности (отсутствие мира, недоговороспособность противника), так и во исполнение библейских пророчеств и предписаний. Однако многие израильтяне выступают против аннексии: одни – чтобы избежать демографических последствий и не превратиться в еврейское меньшинство посреди палестинского большинства, другие – чтобы избавиться от обременительной

⁵¹ The Declaration of the Establishment of the State of Israel, 14.05.1948, размещено на сайте <https://naip-documents.blogspot.com/2010/08/document-s8.html>.

⁵² См., например: Mada al-Carmel. *The Haifa Declaration*, 15.05.2007, <http://mada-research.org/en/2007/09/12/the-haifa-declaration-arabic-english-hebrew-2007/> (дата обращения 8 июля 2018 г.); The Vision Documents of Palestinian citizens. *Israel Studies Forum* 23:2 (2008), 3–73 (статьи Амаля Джамала, Уриэля Абулофа, Дова Ваксмана и Илана Пелега); Susser, A. (2012). *Israel, Jordan, and Palestine: The Two-State Imperative*, 100–105, 156–164. Waltham, MA: Brandeis University Press; Rabinovich, I. (2013). *The Lingering Conflict: Israel, the Arabs, and the Middle East, 1948–2012* (rev. ed.), 238–246. Washington, DC: Brookings Institution Press; Ghanem, A. (2013). Palestinians in Israel and binationalism: Escape from the impasse. In: *The Failure of the Two-State Solution: The Prospects of One State in the Israel-Palestine Conflict* (ed. H. A. Faris), 257–268. London: I. B. Tauris/New York: Palgrave Macmillan; Waxman, D. (2013). Israel's other Palestinian problem: The future vision documents And the demands of the Palestinian minority in Israel. *Israel Affairs* 19 (1): 214–229.

⁵³ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12.08.1949 г., <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/385ec082b509e76c41256739003e636d/6756482d86146898c125641e004aa3c> (дата обращения 4 июня 2018 г.); Shafir, G. (2017). *A Half Century of Occupation: Israel, Palestine, and the World's Most Intractable Conflict*, 22–27. Oakland, CA: University of California Press.

⁵⁴ Palestinian Central Bureau of Statistics, Preliminary Results of the Population, Housing and Establishment Census 2017 (February 2018), <http://www.pcbs.gov.ps/Downloads/book2364-1.pdf> (дата обращения 30 июня 2018 г.); *Statistical Abstract of Israel 2017*, table. 2.16; Gorenberg, G. (2006). *The Accidental Empire: Israel and the Birth of Settlements, 1967–1977*, 364. New York: Times Books; Zertal, I. & Eldar, A. (2007). *Lords of the Land: The War over Israel's Settlements in the Occupied Territories, 1967–2007* (transl. Vivian Eden), xiii. New York: Nation Books; Shafir, G. *A Half Century of Occupation*, 68.

обязанности контролировать сопротивляющееся и озлобленное население, управляя занятыми территориями. К этому вопросу мы вернемся в главе 13.

Проблемы суверенитета и демографии также неразрывно связаны с вопросом о том, где проводить границы. В определенном смысле начиная с 1948 г. мы можем рассматривать конфликт между Израилем и арабскими государствами, а также (в меньшей степени) между палестинцами и израильтянами как борьбу за установление границ. В первую палестинскую войну 1947–1949 гг. военные действия были прекращены четырьмя соглашениями о перемирии, подписанными между Израилем и Египтом (февраль 1948 г.), Иорданией (март 1949 г.), Ливаном (июль 1949 г.) и Сирией (июль 1949 г.). Однако эти соглашения о перемирии так и не превратились в мирные договоры, и якобы временные линии прекращения огня между воюющими сторонами сохранялись десятилетиями, так и не став согласованными, международно признанными границами.

После войны 1948 г. этот незакрытый вопрос границ стал одним из факторов, вызывавших трансграничные стычки и вторжения, которые время от времени перерастали в крупные войны: в октябре 1956 г. (Израиль против Египта), июне 1967 г. (Израиль против Египта, Иордании и Сирии) и октябре 1973 г. (Египет и Сирия против Израиля). Договоры, подписанные в 1979 и 1994 г., разрешили израильско-египетский и иордано-израильский пограничные споры, однако, когда и если Израиль, Ливан и Сирия сядут за стол переговоров для заключения мирных договоров, им в том числе придется урегулировать и вопрос спорных границ.

Проблема границ внесла свой вклад также и в создание патовой ситуации, в которой отношения израильтян и палестинцев пребывают с 1993 г., когда стороны должны были реализовать промежуточные договоренности о выводе израильских войск с оккупированных в 1967 г. территорий и о переходе к палестинскому самоуправлению на части этих территорий – ядре будущего независимого государства. В соответствии с принципами мирного урегулирования, согласованными израильтянами и палестинцами в Осло в 1993 г., границы являются одним из вопросов окончательного статуса, которые должны были быть решены по мере урегулирования конфликта на основе сосуществования двух государств. В ходе бесплодных переговоров 2000–2001 гг. в Кэмп-Дэвиде и Табе, а затем в Аннаполисе в 2007–2008 гг. палестинские и израильские представители рисовали карты и спорили о степени отхода Израиля с земель, занятых в 1967 г., и об обмене территориями, позволившем бы провести между Израилем и будущим палестинским государством согласованные границы.

Соперничающие нарративы: правые против правых, жертвы против жертв

В общем и целом претензии и встречные претензии материального типа, о которых говорилось выше, обладают тем преимуществом, что их можно рассматривать как *интересы*, компромисс относительно которых может быть достигнут в ходе обычного переговорного процесса. Нематериальные же вопросы – вопросы психологии, мифов, стереотипов и соперничающих нарративов⁵⁵ – представляют собой проблему совершенно иного характера. Эти зачастую экзистенциальные споры связаны с реализацией требуемых прав или исправлением предполагаемой несправедливости, а не с претензиями на конкретные активы, которые, по крайней мере теоретически, могут быть урегулированы при помощи обмена, компенсации, компромисса или какой-нибудь хитроумной формулы. Именно такие вопросы, как будет показано в главе 13, труднее всего решать.

Чтобы понять глубину и продолжительность израильско-палестинского конфликта, нам в конечном итоге важнее сосредоточиться на мифах, символах и стереотипах, чем на так называ-

⁵⁵ Полезное сопоставление конкурирующих израильских и палестинских версий конфликта: Scham, P. (2005). Введение к: *Shared Histories: A Palestinian-Israeli Dialogue* (ed. P. Scham, W. Salem & B. Pogrand), 1–12. Walnut Creek, CA: Left Coast Press.

емых объективных фактах. В главе 12 мы рассмотрим вопросы предвзятости и объективности, поскольку они влияют на то, как видят конфликт историки. Здесь же достаточно отметить, что каждая сторона с ужасающей предсказуемостью интерпретирует факты своего исторического опыта так, что они лишь усиливают ее глубокое чувство обиды и ощущение, что она пострадала от другой стороны. Как видно из меткого названия «Праведные жертвы» (Righteous Victims) подробного исторического исследования Бенни Морриса, посвященного развитию конфликта с 1881 г., каждая из сторон искренне и всей душой верит, что это именно она является жертвой агрессии и злых намерений другой стороны⁵⁶.

В части II, где будет рассмотрена история конфликта на различных его этапах, мы увидим, как проявляются эти параллельные, но взаимоисключающие представления о том, кто здесь жертва. Склонность считать себя жертвой является, пожалуй, самым серьезным для каждой из сторон препятствием к переговорам, а также к признанию легитимности, прав и человеческой сущности противника.

Способы визуализации конфликта

Историки и политологи предлагают разные способы визуализировать этот конфликт. Историки в целом склонны изображать его *линейно*, в виде, например, хронологической шкалы с оговоренной датой начала и важными поворотными пунктами, такими как войны и мирные переговоры. Некоторые показывают также, как с течением времени к тому, что начиналось как более простой спор, добавлялись дополнительные игроки и новые уровни сложности. Например, Алан Даути недавно предложил воспринимать конфликт как прошедший четыре стадии развития:

(1) 1882–1948 гг. – конфликт между двумя национальными общинами за контроль над одной и той же территорией.

(2) 1948–1990-е гг. – конфликт между Израилем и соседними арабскими государствами, роль палестинцев в котором поначалу была малозаметной, однако вскоре они вышли на авансцену в качестве главных действующих лиц.

(3) 1990-е – 2000-е гг. – в основном израильско-палестинская конфронтация, связанная с безуспешными попытками отыскать формулу раздела территорий между двумя государствами, тогда как арабские страны снижали уровень своего участия.

(4) 2001 г. по настоящее время – тлеющий, неразрешенный локальный конфликт с региональным и международным измерениями, движущей силой которого все чаще становятся религиозный фундаментализм⁵⁷.

Другие историки и политологи представляют конфликт в виде *цикла* или *спирали*: недовольство накапливается, напряжение нарастает, из искры разгорается пламя войны. Вооруженные столкновения заканчиваются, но лишь на время, а их первоначальные причины не устраняются. Новые и обострившиеся старые взаимные претензии вызывают новую нестабильность и создают условия, которые в конечном итоге приводят к следующей вспышке боевых действий. Эскалацию насилия и включение в него новых элементов, участников и уровней сложности, отсутствовавших на предыдущих стадиях конфликта, в этом случае можно представить как расширение спирали.

⁵⁶ Morris, B., (2001). *Righteous Victims: A History of the Zionist-Arab Conflict, 1881–1999*. New York: Alfred A. Knopf.

⁵⁷ Dowty, A. (2017). *Israel/Palestine*, 4e. Malden, MA/Cambridge, UK: Polity Press, pp. 182–183. Другие примеры хронологических шкал см. в: Rubinstein, A.Z. (ed.) (1991). *The Arab-Israeli Conflict: Perspectives*, 215–222. New York: HarperCollins, 1991; Bickerton, I.J. & Klausner, C.L. (2010). *A History of the Arab-Israeli Conflict*. Upper Saddle River, NJ: Pearson/Prentice Hall; Wasserstein, B. *Israelis and Palestinians*, 179–194; Lesch, D.W. (2008). *The Arab-Israeli Conflict: A History*, 467–472. New York/Oxford: Oxford University Press.

Изменение очертаний конфликта с течением времени также можно изобразить *географически*, сопоставляя и сравнивая карты. Как уже упоминалось в главе 1, одним из ключевых аспектов истории конфликта до 1948 г. являются *демографические* изменения, структура еврейского землевладения и расселения; это можно легко показать на картах – как в виде потерь палестинцев, так и в виде приобретений сионистов⁵⁸. Изменение границ Палестины и Израиля тоже можно проследить по картам, которые перерисовывались после войн 1947–1949, 1967 и 1973 гг., а также соглашений 1979 г. (Египетско-израильский мирный договор), 1994 г. (Израильско-иорданский мирный договор) и 1993–1998 гг. (Палестино-израильское временное соглашение).

Политологи иногда использовали для визуализации арабо-израильского конфликта и другие графические образы – от простых концентрических кругов, изображающих его ядро и периферию, до сложных схем, демонстрирующих, как люди, принимающие решения, реагируют на повторяющиеся кризисы⁵⁹. Опираясь на труды экспертов в области дипломатии и разрешения конфликтов, полезно представлять этот конфликт как *разворачивающийся на нескольких уровнях*. Историк Итамар Рабинович, бывший посол Израиля в США и участник переговоров Израиля с Сирией, считает, что «единого арабо-израильского спора не существует», а есть скорее «кластер отдельных, взаимосвязанных конфликтов», которые он определяет следующим образом:

(1) основной конфликт между Израилем и палестинцами – «классический конфликт двух национальных движений, заявляющих о своем праве собственности на одну и ту же землю и вступивших в борьбу за владение ею»;

(2) более широкий спор между Израилем и арабским национализмом – «национальный, политический, культурный, а все чаще и религиозный конфликт», в который обе стороны приносят «свое историческое и культурное наследие» и общенациональные нарративы;

(3) ряд двусторонних конфликтов между Израилем и соседними арабскими государствами, в основе которых лежат противоборствующие геостратегические и геополитические интересы;

(4) локальный компонент или горячая точка более масштабных международных конфликтов – например, соперничества великих держав, колониализма и сопротивления европейской гегемонии⁶⁰.

В конечном итоге, какой бы способ визуализации мы ни выбрали, я полагаю, что израильско-палестинский и арабо-израильский конфликты существуют как минимум на двух основных взаимосвязанных уровнях:

● два народа, стремящиеся к самореализации и самоопределению в качестве уникальных национальных единиц и соперничающие за владение одной и той же землей (ядро конфликта, как оно рассматривается на этих страницах и в других источниках);

● исходный локальный конфликт, в разной степени вовлекающий внешние силы – региональных игроков, диаспоры, мировые державы.

Фактически моя книга организована согласно такой схеме: в главах с 3-й по 6-ю основное внимание уделено первому из этих уровней (периоду до 1949 г.), в главе 7 появляются важные

⁵⁸ Одни из лучших доступных карт такого рода см. в: Khalidi, W. (1984). *Before Their Diaspora: A Photographic History of the Palestinians, 1876–1948*. Washington, DC: Institute for Palestine Studies, 34, 84, 237, 239 и на сайте <http://www.passia.org/maps/38> (по состоянию на 30 июня 2018 г.). Общий обзор и критическое обсуждение см. в: Biger, G. (2008). The boundaries of Israel-Palestine, past, present and future: A critical geographical view. *Israel Studies* 13 (1): 68–93.

⁵⁹ См, например, новаторскую работу Brecher, M. (1972). *The Foreign Policy System of Israel: Setting, Images, Process*. London/Toronto/Melbourne: Oxford University Press, and *Decisions in Israel's Foreign Policy*. New Haven, CT: Yale University Press, 1975.

⁶⁰ Rabinovich, I. *The Lingering Conflict*, 2–3. См. также: Cohen, S.P. (2005). Intractability and the Israeli-Palestinian conflict. In: *Grasping the Nettle: Analyzing Cases of Intractable Conflict* (ed. C. A. Crocker, F. O. Hampson & P. Aall), 348–350. Washington, DC: United States Institute of Peace Press.

элементы второго уровня, а затем, в главах с 8-й по 11-ю, внимание вновь возвращается к первичному ядру конфликта.

Аналогии и аллегории

Когда холодный логический анализ кажется неспособным объяснить важные аспекты конфликта, некоторые авторы прибегают к притчам, аллегориям или аналогиям. Одну из наиболее часто цитируемых аллегорий ввел в оборот покойный Исаак Дойчер, историк русской революции и биограф Иосифа Сталина. В интервью, данном вскоре после июньской войны 1967 г., Дойчер предложил следующую аналогию о падающем человеке:

Один человек спрыгнул с верхнего этажа горящего дома, спасаясь от пожара, в котором уже погибли многие члены его семьи. Ему удалось спастись; но, падая, он рухнул на другого, стоявшего внизу, и переломал ему руки и ноги. У прыгнувшего не было выбора, но для человека, которого он покалечил, именно он стал причиной несчастья. Если бы оба вели себя рационально, они не стали бы врагами. Человек, спасшийся из огня, придя в себя, попытался бы помочь второму пострадавшему и утешить его; а тот, быть может, понял бы, что его обидчик стал жертвой обстоятельств, над которыми был не властен.

Но посмотрите, что происходит, когда эти люди ведут себя нерационально. Покалеченный обвиняет упавшего в своих несчастьях и клянется, что заставит его заплатить. А тот, испугавшись мести со стороны пострадавшего, оскорбляет его, пинает и колотит, где бы они ни встретились. Побитый снова клянется отомстить и снова получает тычки и затрещины. Жестокая вражда, нечаянно возникшая, становится все ожесточеннее и отравляет все существование этих двоих, затуманивая их разум⁶¹.

На первый взгляд эта притча кажется пронизательным анализом конфликта, каким он выглядел после решительной победы Израиля в июньской войне. Она не щадит ничьих чувств, подчеркивая безжалостность обстоятельств, которые столкнули переживших Холокост евреев с коренными арабами Палестины, которые в итоге и страдают. Однако при внимательном рассмотрении эта аллегория оказывается исторически небезупречной, и, как мы увидим в главе 6, каждая сторона может утверждать, что так или иначе искажает суть происходящего.

Авторы, наделенные литературным даром, в числе которых Амос Оз, Самех Изхар и Сари Нусейбе, тоже предлагали интересные аналогии, например:

- два дерущихся человека держат друг друга за горло, и каждый боится разжать пальцы первым;
- два человека тонут в море и борются за жизнь, цепляясь за одно-единственное бревно;
- два борца, и ни один из них не может победить другого, потому что их обоих засасывают зыбучие пески⁶².

Еще одна метафора изображает евреев и палестинцев, вынужденных жить в одном доме или квартире, – изображает либо доброжелательно, и тогда их представляют арендаторами отдельных комнат, которые вынуждены делить коридор, либо с обвинительным уклоном, когда сионистов представляют захватчиками, выгоняющими на улицу прежних жильцов-палестинцев. Кроме того, Амос Оз часто сравнивал нынешнюю тупиковую ситуацию с проблемами

⁶¹ Deutscher, I. (1968). The Israeli-Arab War, June 1967 (из интервью журналу *New Left Review*, 23 июня 1967 г.). В: *The Non-Jewish Jew and Other Essays*, 136–137. London: Oxford University Press. Ср. похожую аналогию в: Nusseibeh, S. & David, A. (2007). *Once upon a Country: A Palestinian Life*, 462. New York: Farrar, Straus and Giroux.

⁶² Nusseibeh, S. *Once upon a Country*, 483–487.

неблагополучной супружеской пары, остро нуждающейся в любовном решении вопроса о разделе имущества при разводе⁶³.

Такие приемы могут давать новое понимание проблемы, но они также спорны и оспариваемы; подходить к ним нужно с осторожностью, чтобы не попасть в ловушку ложных выводов.

Конфликт в сравнительной перспективе: три парадигмы

Другой способ понять какой-либо конфликт – это спросить себя, чем он похож на любой другой и в чем его уникальность. Получится ли у нас лучше объяснить или понять этот конфликт, прибегнув к сравнениям и аналогиям или опираясь на предположительно похожие примеры из мировой истории и текущих новостей? Если да, то *какие* конфликты мы можем рассматривать в качестве уместных параллелей?

Пытаясь помочь своей аудитории лучше понять арабо-израильский конфликт, и ученые, и пропагандисты с удовольствием используют парадигмы, то есть параллели с другими спорами. К следующим трем обращаются особенно часто:

(а) Ишув периода до 1948 г., а следом за ним и Израиль изображаются как незванные современные крестоносцы, которые вторглись в Святую землю и которые, настанет время, обязательно оттуда уберутся⁶⁴. Израиль с момента его создания в 1948 г. рассматривается как колониально-поселенческое государство, а его движущая сила (сионизм) – как агрессивное колониальное движение, четкая цель которого состоит в том, чтобы заселить чужаками якобы пустую территорию, завладев землей путем порабощения, грабежа и/или изгнания коренного населения.

(б) Сионизм изображается как национально-освободительное движение, собирающее евреев, рассеянных по странам диаспоры, где они являются уязвимым меньшинством, и содействующее их переезду на историческую родину, – движение, столкнувшееся, однако, с препятствием в виде другого народа, который уже населяет эту землю и стремится к собственному национальному освобождению на той же территории⁶⁵.

(в) Стремление сионистов и израильтян создать и сохранить еврейское большинство в еврейском государстве рассматривается как расизм той же разновидности, что практиковали южноафриканские поселенцы-африканеры, выстроившие изошренно дискриминационный режим апартеида с целью подавления и угнетения коренного большинства темнокожих африканцев⁶⁶.

Важно, что парадигмы (а) и (б) – это не просто диаметрально противоположные способы представления и понимания конфликта сторонними наблюдателями; они составляют стеновой хребет палестинского и израильского нарративов соответственно. В главе 3 мы изучим их в

⁶³ Oz, A. (2006). *How to Cure a Fanatic*, 19–20, 62. Princeton, NJ: Princeton University Press; Burg, A. (2003). A three-story approach to ending the Israeli-Palestinian conflict. *Haaretz* 5.

⁶⁴ См. Ochsenwald, W.L. (1976). The Crusader Kingdom of Jerusalem and Israel: An historical comparison. *Middle East Journal* 30 (2): 221–226; Haddad, Y. (1992). Islamists and the 'Problem of Israel': The 1967 awakening. *Middle East Journal* 46 (2): 270–271, 280–282; Avnery, U. (1971). *Israel without Zionism: A Plan for Peace in the Middle East*. New York: Collier, ch. 5; Ohana, D. (2012). *The Origins of Israeli Mythology: Neither Canaanites nor Crusaders* (transl. D. Maisel), 151–162, 169–181, 222–223. Cambridge UK/New York: Cambridge University Press; Avnery, U. Crusaders and Zionists, 11.10.2014, 2.09.2017, <http://zope.gush-shalom.org/home/en/channels/avnery/1412954246/>, <http://zope.gush-shalom.org/home/en/channels/avnery/1504285130> (дата обращения 3 июня 2018 г.).

⁶⁵ См., например: Talmon, J. (1970). *Israel among the Nations*. London: Weidenfeld and Nicolson; Tsur, J. (1977). *Zionism: The Saga of a National Liberation Movement*. New Brunswick, NJ: Transaction; O'Brien, C.C. (1986). *The Siege: The Saga of Israel and Zionism*. New York: Simon and Schuster.

⁶⁶ См., в частности: Bishara, M. (2001). *Palestine/Israel: Peace or Apartheid: Prospects for Resolving the Conflict*. London: Zed Books/Halifax, NS: Fernwood. Обзор примеров употребления и злоупотребления аналогиями между Израилем и Южной Африкой см. в: Adam, H. & Moodley, K. (2005). *Seeking Mandela: Peacemaking between Israelis and Palestinians*. Philadelphia, PA: Temple University Press.

качестве одного из одиннадцати основных противоречий, которым посвящено это исследование.

Выбор одной из этих парадигм как основы восприятия конфликта серьезно влияет на то, как исследователь взвешивает и интерпретирует свидетельства, факты и аргументы, которые пускают в ход противоборствующие стороны. Один израильский историк заметил:

Во всех моделях, к которым прибегают, чтобы пролить свет на арабо-израильский конфликт, исторические прецеденты – или их отсутствие – имеют решающее значение. Не менее важен и выбор, с какими обществами древнего или современного мира нам предлагают сравнивать Палестину и Израиль. Ставки, связанные с этим выбором, высоки и воспринимаются как таковые. Необходимость выбирать между противоречащими друг другу отсылками к истории реальной, воображаемой и даже сфальсифицированной, вероятно, будет и впредь представлять сложность для ученых, широкой общественности да и каждого конкретного участника/наблюдателя⁶⁷.

В мои намерения не входит убедить читателя в правильности той или иной модели. Я, скорее, указываю тут на эти три актуальные сегодня парадигмы с целью продемонстрировать, сколь разными могут быть возможные конфликтующие интерпретации. В следующих главах я буду говорить о схожих и родственных точках зрения, которые складывались в определенном историческом контексте. За читателем останется ответственность сделать собственный выбор, решив, какая из них представляется ему наиболее убедительной.

⁶⁷ Troen, S.I. (2007). De-Judaizing the Homeland: Academic politics in rewriting the history of Palestine. *Israel Affairs* 13 (4): 882–883.

Часть II

Версии истории как предмет спора

Глава 3

Предыстория до 1917 г.: истоки конфликта

Древние узы и историческая память

В конце XIX в. в Палестине развернулась борьба между приезжающими евреями-сионистами и коренным арабским (мусульманским и христианским) населением; с этого момента две общины превратились в соперников, стремящихся к самоопределению на небольшой, но стратегически важной и религиозно значимой территории, бывшей тогда частью Османской империи. Эти процессы происходили во времена, которые один палестинский историк назвал «открытием (или переоткрытием) европейскими библеистами Палестины» с ее «уникальным религиозным/символическим значением для Запада как родины иудаизма, места зарождения христианства и заветной цели крестоносцев»⁶⁸.

В рамках такого европейского восприятия эмиграция евреев на эти земли была мотивирована сионизмом – движением за их «национальное освобождение... вследствие невыносимого положения евреев Восточной Европы, исключенных из зародившихся в конце XIX в. национальных движений или подавляемых ими». Согласно еврейско-сионистскому нарративу, еврейский народ возвращался, чтобы обрести «национальное убежище на своей древней родине в Эрец-Исраэль, исторической колыбели национальной общности и суверенного существования евреев». По мнению подавляющего большинства современных израильтян, «создание государства Израиль стало почти невероятным обретением нормального национального существования, которого заслуживают все народы, и гарантией достойной жизни в финале чудовищной истории страданий, нетерпимости и физического уничтожения»⁶⁹.

Местные арабы, как мусульмане, так и христиане, понимали появление в их среде евреев-сионистов совершенно иначе. Палестинский нарратив гласит: «Палестина как *наша* родина создавалась на протяжении пятнадцати с лишним столетий непрерывного арабо-мусульманского присутствия; только превосходящая сила и колониальные махинации лишили нас этой земли»⁷⁰. С точки зрения местных жителей, новые поселенцы, прибывавшие в османскую Палестину, были чужаками, пришельцами из Европы. Сознывая, что цель сионистов – основать еврейское государство, арабы не могли воспринимать их иначе как захватчиков.

Хотя я решил начать изучение израильско-палестинского конфликта именно с этого момента, с начала 1880-х гг., проигнорировать неослабевающую актуальность древних уз и исторической памяти невозможно. Некоторые из нынешних израильтян или палестинцев могут вспоминать о столетиях уважительной терпимости и плодотворного сотрудничества мусульман и евреев, живших бок о бок с VII в., как о модели, которую следует держать в уме и

⁶⁸ Doumani, B. (2007). *Rediscovering Ottoman Palestine: Rewriting Palestinians into history*. In: *The Israel/Palestine Question: A Reader*, 2e (ed. I. Pappe), 13–14. London/New York: Routledge.

⁶⁹ Susser, A. (2012). *Israel, Jordan, and Palestine: The Two-State Imperative*. Waltham, MA: Brandeis University Press, 134–135, 159.

⁷⁰ Khalidi, A.S. (2011). Why can't the Palestinians recognize the Jewish state?. *Journal of Palestine Studies* 40 (4): 79. См. также главу 13.

по возможности воспроизводить, чтобы преодолеть возникшую позже враждебность. Гораздо чаще, однако, оба народа обращаются к давнему прошлому, чтобы сформировать на его основе нынешнюю национальную идентичность и самосознание, заявив о своем изначальном праве собственности на спорную (и обещанную Богом) землю⁷¹.

Сказанное подводит нас к обсуждению первого из одиннадцати основных противоречий, которые мы будем разбирать в этом исследовании: *Кто был здесь первым и чья это земля изначальна?* Обе стороны вспоминают и реконструируют в значительной степени мифическое прошлое, память о котором передается из поколения в поколение посредством текстов и устной традиции, через музеи и образовательные институты, от родителей к детям, чтобы доказать, что это их предки были здесь первыми, что это их прародители контролировали эту территорию на протяжении длительных периодов времени и/или что земля, о которой идет речь, обещана им Богом.

Некоторые убеждены, что этот вопрос решается прежде всего посредством теологического анализа и толкования священных текстов. Основания для еврейских притязаний можно почерпнуть из Библии, особенно из тех фрагментов Торы (Пятикнижия Моисея, первой части христианского Ветхого Завета), где говорится, как примерно за два тысячелетия до пришествия Христа Господь обещал определенные территории в «вечное владение» Аврааму и его потомкам⁷². У Авраама было два сына, Исаак и Измаил. Несмотря на все скитания, рассеяния и насильственные изгнания, которые за многие столетия пережили евреи, ведущие свое происхождение от Авраама через Исаака и Иакова, они обитали на этой земле непрерывно, хотя на протяжении длительных периодов времени и присутствовали там лишь в качестве небольшого меньшинства.

Мусульмане признают эти общие корни, как и духовное наследие большинства еврейских пророков, включая и Иисуса. Они чтят Ибрахима (Авраама) как общего предка мусульман, арабов и других семитских народов и возводят свою родословную к сыну Авраама Измаилу. В ходе распространения новой веры, ислама, в середине VII в. н. э. арабы завоевали землю, называемую Палестиной, и жили там под властью сменявших друг друга исламских империй вплоть до окончания Первой мировой войны.

С конца XIX в. территориальный спор для некоторых стал отчасти спором о том, где сегодня проходят границы библейской Земли обетованной и какие современные народы можно считать потомками Авраама и наследниками этой земли⁷³. Религиозным фундаменталистам легко признавать высший авторитет и подлинность божественных предписаний, изложенных в их собственных священных писаниях. Верующие других конфессий (не говоря уже о неверующих), конечно, не чувствуют себя обязанными соглашаться с территориальными претензиями, основанными на священных текстах.

Любопытно, что библейской историей евреев увлекались и вдохновлялись такие видные светские сионисты-социалисты, как Давид Бен-Гурион и Моше Даян. Для них священная книга была доказательством связи евреев с современной Палестиной/*Эрец-Исраэль* и служила чем-то

⁷¹ Замечательный и сбалансированный обзор древней еврейской и арабской/мусульманской истории и ее взаимосвязи с нынешним конфликтом см. в: Tessler, M. (2009). *A History of the Israeli-Palestinian Conflict*, 2e. Bloomington/Indianapolis: Indiana University Press, ch. 1–2. См. также: Patai, R. (1986). *The Seed of Abraham: Jews and Arabs in Contact and Conflict*, 296–304. Salt Lake City: University of Utah Press.

⁷² В Книге Бытия (17:8) Господь говорит Аврааму: «И дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное; и буду им Богом». Другие стихи, в которых Господь обещает землю евреям: Книга Бытия (4, 12:7, 13:14, 15, 16:7, 17, 18, 26:3, 28:13, 35:12); Исход (6:4); Левит (20:24); Числа (13, 14:16, 33:53, 34:12); Книга Иисуса Навина 1:2–4.

⁷³ Современный взгляд на историю Исаака и Измаила см. в: Firestone, R. (2001). *Children of Abraham: An Introduction to Judaism for Muslims*, 10–12. Hoboken, NJ: Ktav. Новаторскую альтернативную географическую интерпретацию см. в: Salibi, K. (1985). *The Bible Came from Arabia*. London: Jonathan Cape.

средним между учебником археологии⁷⁴ и свидетельством о праве собственности. Давая показания перед Королевской комиссией Пиля, которая исследовала жалобы на режим Британского мандата в 1937 г., Бен-Гурион так объяснял притязания евреев на Палестину: «Библия – наш мандат, Библия, написанная нами, на нашем родном языке, иврите, в этой самой стране. Вот наш мандат. Наше право на эту землю такое же древнее, как еврейский народ»⁷⁵.

У претензий на давнюю связь с землей есть и светские, нерелигиозные аспекты. Археологическая наука стала инструментом, который используют, чтобы подкрепить или дискредитировать претензии современных арабов, палестинцев и евреев, проживающих на спорной территории, на кровную связь с общинами, которые жили здесь в более ранние времена. Чтобы найти такие доказательства и обосновать претензии на изначальное владение этой спорной землей, археологи – как любители, так и профессионалы – копаются в ее прошлом в попытках проследить непрерывную цепь, связывающую современные популяции с древними хананеями, финикийцами, филистимлянами, евреями и т. д. Некоторые палестинцы, например, претендуют на происхождение от народов, которые жили здесь до евреев библейского периода; порой мусульманские и арабские авторы интерпретируют древнюю историю таким образом, чтобы она доказывала, что «арабы жили в Палестине с доисторических времен и даже передали евреям свою религию и письменность»⁷⁶. Евреи же делают акцент на библейском периоде, чтобы подчеркнуть, что их народ жил здесь до появления арабов, которые пришли на земли Плодородного полумесяца только в VII в. н. э., когда ислам распространился за пределы Аравийского полуострова.

Избирательно интерпретировать археологические находки в своих целях несложно, и так поступают очень многие. Палестинцы легко собирают достаточно доказательств, чтобы подкрепить свою веру в исконное право на владение этой землей, и отыскивают свидетельства, подрывающие еврейские притязания как необоснованные. Израильяне, со своей стороны, тоже могут интерпретировать археологические данные так, чтобы подтвердить справедливость своих заявлений о давней связи с этой землей и одновременно поставить под сомнение встречные претензии палестинцев. Многие десятилетия скорость публикации литературы, поддерживающей претензии одной из сторон и развенчивающей претензии другой, остается огромной и не подает никаких признаков убывания⁷⁷.

⁷⁴ Dayan, M. (1978). *Living with the Bible*. London: Weidenfeld and Nicolson.

⁷⁵ Notes of Evidence taken on Thursday, 7th January 1937, 49th Meeting, Palestine Royal Commission, Minutes of Evidence Heard at Public Sessions (with Index), Colonial No. 143, London: HMSO, 288. Цит. по: Klieman, A.S. (ed. with an introduction by) (1987). (1987). *The Rise of Israel*, vol. 22: The Palestine Royal Commission. New York/London: Garland.

⁷⁶ Baihum, M.J. (1957). Arabism and Jewry in Syria, transl. in Haim, S.G. (ed.) (1962). *Arab Nationalism: An Anthology*, 128–146. Berkeley/Los Angeles: University of California Press; цитата взята из введения, написанного Хаимом, с. 38. См. также: Baker, A. (2014, 23 March). Changing the Historical Narrative: Saeb Erekat's New Spin. *Jerusalem Issue Briefs* 14: 8 at <http://jcpa.org/article/changing-Historical-Narrative-saeb-erekats-New-Spin> (дата обращения 19 октября 2018 г.).

⁷⁷ Подборку полемиической, академической и популярной литературы, посвященной этому вопросу, см. в: Pene Beatty and Alfred Guillaume, *From Haven to Conquest: Readings in Zionism and the Palestine Problem until 1948* (ed. and introduced by Walid Khalidi), 3–30. Beirut, 1971; 2nd printing., Washington, DC: Institute for Palestine Studies, 1987; также см.: Elon, A. (1971). *The Israelis: Founders and Sons*, 280–289. New York: Holt, Rinehart and Winston; Bowersock, G.W. (1985). Palestine: Ancient history and modern politics. *Journal of Palestine Studies* 56 (Summer): 49–57, также в: Said, E.W. & Hitchens, C. (eds.) (2001). *Blaming the Victims: Spurious Scholarship and the Palestinian Question*, 181–191. London: Verso; Shanks, H. (1986, August). Archeology as politics. *Commentary*, 50–52; Glock, A. (1994). Archeology as cultural survival: The future of the Palestinian past. *Journal of Palestine Studies* 23 (3): 70–84 & Glock, A. (1995). Cultural bias in the archaeology of Palestine. *Journal of Palestine Studies* 24 (4): 48–59; Zerubavel, Y. (1995). *Recovered Roots: Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition*, 22–36. Chicago/London: University of Chicago Press; Marblestone, H. (2000). The great archaeological debate. *Israel Studies Bulletin* 16 (1): 23–29; Marcus, A.D. (2000). *The View from Nebo: How Archaeology is Rewriting the Bible and Reshaping the Middle East*. Boston, MA: Little, Brown; El-Haj, N.A. (2001). *Facts on the Ground: Archeological Practice and Territorial Self-Fashioning in Israeli Society*. Chicago: University of Chicago Press; Ami Isseroff, Nadia Abu El Haj versus written history and the scientific method (in 2 parts) – <http://www.zionism-israel.com/log/archives/00000443.html>, <http://www.zionism-israel.com/log/archives/00000444.html> (дата обращения 5 апреля 2018 г.); Lassner, J. & Troen, S.I. (2007). *Jews and Muslims in the Arab World: Haunted by Pasts, Real and Imagined*. Lanham/Boulder: Rowman and Littlefield, гл. 8; Masalha, N. (2007). *The Bible and Zionism: Invented Traditions, Archaeology and*

Post-colonialism in Palestine-Israel. London/New York: Zed Books; Inbari, P. (2017, 7 August). Who are the Palestinians? Jerusalem Center for Public Affairs, <http://jcpa.org/article/who-are-the-palestinians> (дата обращения 16 сентября 2018 г.). О проблемах, которыми сопровождаются попытки установить происхождение народов методами анализа ДНК, см.: Appelbaum, D.M. & Appelbaum, P.S. (2007). The gene wars. *Azure* 27. <http://azure.org.il/article.php?id=30> (дата обращения 17 мая 2018 г.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.